

Алексей Пехов
Елена Бычкова
Наталья Турчанинова

Основатель

Ночная столица

Киндрэт

Алексей Пехов

Основатель

«Автор»

«Автор»

«Автор»

2009

Пехов А. Ю.

Основатель / А. Ю. Пехов — «Автор», «Автор», «Автор»,
2009 — (Киндрэт)

ISBN 978-5-9922-0695-1

Его появления никто не ждал. Он слишком долго был всего лишь легендой, и кровные братья успели забыть предостережения древности. Ни один из кланов не готов к его приходу. Никто не знает, что принесет Основатель в Столицу – новую войну или сплочение для всех киндрэт. Процветание или разрушение. И лишь те, кто думает, будто понимает его истинную природу, готовятся к самому страшному...

ISBN 978-5-9922-0695-1

© Пехов А. Ю., 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	30
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	48
Глава 8	57
Глава 9	64
Глава 10	75
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Алексей Пехов, Елена Бычкова, Наталья Турчанинова

Основатель

Глава 1

Крест Основателя

Наш единственный долг перед историей – переписать ее заново.¹

1 марта

Прага, умытая дождем, сверкала золотыми огнями. Они отражались в черной воде Влтавы и мокрых мостовых. Затмевали звезды. Размывались в окнах проносившихся по улицам трамваев. Окутывали пролеты мостов. Светились Вышеград, Градчаны, Оперный театр, Карлов мост...

Исторический центр города был похож на разноцветную игрушку. От бывшего мрачного величия не осталось и следа. Холодная, молчаливая, угрожающая суть старого города скрылась за сверкающими фасадами, обманывая толпы туристов...

Кристоф вышел из метро за час до закрытия и, проигнорировав такси, отправился пешком. Последний раз он посещал Прагу очень давно и сейчас испытывал легкое любопытство – осталось ли за прошедшие столетия хоть что-нибудь от легендарного прежде города ведьм и колдунов?

Рядом с ним торопливо шагал Босхет. Непривычно молчаливый, он жадно поглядывал по сторонам, вдыхал давно забытые ароматы старого града и едва заметно улыбался чему-то. У него были свои собственные воспоминания, связанные с этим местом.

Кадаверциану понадобилось не много времени, чтобы сориентироваться. Несмотря на яркие неоновые вывески и прочую мишуру цивилизации, местность осталась знакомой. Некромант без труда узнал набережную Яна Палача и, повернув налево, пошел вдоль трамвайных путей, оставив за спиной Еврейский квартал.

– Почти ничего не изменилось, – пробормотал Босхет, и его глаза торжествуя сверкнули желтым. – Все осталось прежним, мэтр, – добавил он, обращаясь к колдуну с таким самодовольным видом, как будто неизменный вид Праги был его собственной заслугой.

Мостовая влажно блестела после недавнего дождя, рельсы сверкали в свете уличных фонарей. В Столице сейчас бушевали метели, а здесь уже настойчиво пахло весной, свежестью и мокрыми деревьями. В легком воздухе не чувствовалось гнетущей опасности. Непривычное ощущение от города, в котором теперь не рискнул бы жить ни один из братьев...

Через пять минут мастер Смерти и его слуга уже стояли возле Старогородской предмостной башни, которая прежде охраняла вход на Карлов мост. И башня, и мост, и прекрасно видимый отсюда комплекс Пражского града не привлекли их внимания. Взгляд кадаверциана был направлен к темнеющей на противоположном берегу Влтавы громаде Петринского холма. Именно он, а точнее – то, что скрывалось *под* ним – стало целью приезда.

Кристоф прошел через проездную арку башни и оказался на мосту, заполненном гуляющими людьми. Звучала многонациональная речь туристов. Возгласы. Смех. Ежесекундные фотовспышки ослепляли. Мрачный, темный город спрятался за световой иллюминацией и вос-

¹ Оскар Уайльд. Критик как художник.

хищением ничего не понимающих людей. Они не ощущали давящей тяжести и сосущей боли в позвоночнике, не видели призрачную тень, витающую над Прагой, и продолжали проживать свои беспечные короткие жизни, удивляясь тому, что так часто и тяжело болеют.

Влтава отражала многочисленные огни и казалась их зеркальным продолжением. Множество теплоходиков курсировали по реке, катая зевак. Обогнув старого шарманщика и послав угрожающий взгляд молодому карманнику, колдун клана Смерти покинул мост.

Людей не стало меньше. Улица тоже оказалась заполнена. Кадаверциан продирался вперед, стараясь как можно быстрее вырваться из этой гомонящей, переливающейся всеми цветами радуги, жгучей, испускающей сладкий аромат крови, толпы. Босхет рыкнул на компанию особо веселых юнцов, обменялся с ними парой резких фраз на чешском и, довольный, поспешил догнать хозяина.

Кристоф был голоден. Очень голоден, а сдерживать жажду, когда вокруг столько людей, невероятно сложно. Даже для такого, как он.

Но с инстинктами приходилось бороться. Нельзя лезть в катакомбы на сытый желудок. Свежая кровь в теле вампира способна мгновенно разбудить использованную после войны с кланом Лудэр силу, которая во много раз страшнее и опаснее Витдикты.

Колдун прогнал неприятные мысли и быстро прошел мимо ярких витрин магазинов и лавок – настоящего рая для иноземных гостей. Здесь имелось в наличии все – начиная от жутковатого вида марионеток, изображающих чернокнижников и ведьм, до знаменитого чешского хрусталя и гранатов. Впрочем, последние, на месте смертных, Кристоф поостерегся бы покупать. В те годы, когда он еще был молод, считалось, что красный гранат – это запекшаяся кровь. Чем больше ее пролилось на землю, тем больше темных, кроваво-красных камней в ней найдут.

А земля Праги впитала слишком много крови – так много, что ее вполне можно сравнить с вампиром. Она всегда сосала силу из людей, сама принуждала воевать, пила пролитую жизнь и боль. И даже сейчас не успокоилась. Кадаверциан чувствовал, что она *ждет*, дрожит от предвкушения, посылая тем, кто может ее слышать, кошмарные сны.

Перед костелом святого Микулаша некромант свернул налево и спустя еще несколько минут оказался в стороне от туристических маршрутов. Людей здесь почти не было. Единственное кафе уже закрывалось. Кристоф углубился в переплетение узких улочек и переулков. Один раз пропустил поворот, но вовремя остановился и вернулся обратно. Пройдя мимо полицейского участка, вышел на Влашску.

Дорога заметно поднималась в гору. Мокрая брусчатка, отражающая огни фонарей, стилизованных под начало девятнадцатого века, высокие стены особняков по обе стороны, и ни души. Резкий порывистый ветер крутил флюгер на крыше одного из домов.

До чуткого слуха некроманта донесся отдаленный звон колоколов Вышеграда, и тут же им ответил колокол собора святого Витта.

– Полночь, – тихо пробормотал Босхет.

Колдун быстро шел вперед, узнавая знакомые места. Теперь в бывших дворянских особняках обосновались посольства. В ночи, несмотря на ярко освещенные стены, они казались мертвыми. Совершенно пустая улица, словно всех жителей выкосила чума, производила привычное впечатление. Да, за прошедшие века старые районы Праги изменились не слишком сильно...

Единственного человека на Влашской Кристоф встретил возле открытых ворот госпиталя Милосердных Сестер. Тот был облачен в серое пальто, под которым виднелась больничная пижама, и, сидя в инвалидном кресле, курил папиросу. Больной удостоил случайного прохожего заинтересованным взглядом, но ничего не сказал, лишь поежился от ночной прохлады и сплюнул на брусчатку.

Босхет мрачно посмотрел на него, ухмыльнулся, хотел изречь что-то, но передумал.

Влашка закончилась тупиком. Справа от нее дорогу преграждали запертые железные ворота, а налево круто уходила вверх узкая каменная лестница. На ней тоже горели фонари. Кристоф улыбнулся – у жителей Праги давно вошло в привычку освещать даже самые укромные уголки города. Особенно такие, как Петринский холм. Что ж, ничего удивительного. В Средние века слишком многие стали пищей для живущих здесь братьев, привыкших охотиться в темноте. Особенными зверствами отличались Нахтцеррет, которым в ту пору принадлежал Вышеград.

Однажды Золотые Осы устроили резню сразу в нескольких темных городских кварталах. С утра собиратели трупов устали грузить тела на телеги, а святая инквизиция сбилась с ног, но так никого и не изобличила. И хотя жалкие фонари никак не помогут спастись смертному, если его крови возжелает кто-либо из киндрэт, именно с тех самых пор пражане начали скрупулезно следить за освещением.

Лестница закончилась. Кристоф обернулся, посмотрел на открывшийся вид. Сияющая огнями Прага лежала перед ним как на ладони. Босхет тоже с интересом изучил открывающуюся панораму, многозначительно хмыкнул и засунул руки в карманы куртки.

– Мэтр, помните восстание гуситов? А чуму? Трупы валялись прямо на улицах, а на площади святого Вацла каждую неделю кого-нибудь вешали, – добавил он мечтательно. – Теперь такого не увидишь.

У бетайласа была выборочная память на события прошлого. Единственно ценными духубийца считал эпидемии, войны и революции. Остальное не имело особого значения.

– Помню, – отозвался кадаверциан и направился дальше.

Цель его находилась не на вершине, так что он проигнорировал широкую асфальтовую дорогу, ведущую на самый верх, и направился к петляющей по склону узкой тропинке.

Вокруг раскинулся большой парк. Старые клены и липы нависали над кадаверцианом, переплетенные ветви кустарника не давали свернуть в сторону. В отличие от остального города здесь еще чувствовалось дыхание уходящей зимы. Клочки старого снега притаились в тени валунов, а деревья, казалось, только просыпались от холода.

Идти пришлось довольно долго, и, наконец, колдун увидел один из входов в катакомбы Петринского холма. Кристоф допускал, что люди могли замуровать вход или, еще хуже, обрушить своды. Но нет. Все, до чего додумались пражане, – перекрыть ведущий под землю черный провал металлической решеткой.

– Позвольте, мэтр. – Босхет выступил вперед, огляделся, взялся за прутья и без особого труда выдернул из камней ржавую конструкцию.

Подождал, пока кадаверциан войдет, нырнул в темноту следом и аккуратно поставил створку «ворот» на прежнее место, чтобы не привлекать к открытому входу в подzemелья лишнего внимания.

Стены, пол и потолок в катакомбах были неровными. Пахло сыростью и гнилыми листьями. Шагов через двадцать коридор резко повернул налево и пошел вниз. Миновав первый подземный перекресток, Кристоф пригнулся – свод стал очень низким.

Мастер Смерти ни на миг не забывал о дремлющей здесь силе. Интересно, его уже почувствовали? И если да, то сколько у него осталось времени? Как долго Битах, способная мгновенно уничтожить любого из киндрэт, позволит некроманту бродить по бывшим владениям кадаверциан, теперь ставшим ее безраздельной собственностью? Но ничего, кроме привычной сосущей боли в позвоночнике, преследовавшей его с момента прибытия в Прагу, Кристоф не ощущал. Пока все было спокойно. Похоже, порождение иного мира пребывало в глубоком сне.

Колдун шел легко и быстро. Не путаясь в коридорах, не останавливаясь, не оглядываясь, не раздумывая. Путь был привычным. У выступа, похожего на голову младенца, он оста-

новился и, приложив ладонь, произнес несколько фраз. Камень содрогнулся, размяк, потек под пальцами... Вход в святая святых клана Смерти открылся.

Как только кадаверциан пересек незримую черту «врат», стена за спиной снова стала монолитной, а где-то высоко, под сводом, вспыхнули сотни магических огней, освещая широкий коридор.

Внутренний город разительно отличался от катакомб. Гладкий пол и стены были облицованы черным мрамором. Высокий потолок с тяжами контрфорсов. Каменные скульптуры, изображающие кровных братьев. В отдалении слышалось журчание фонтана.

Боль в позвоночнике стала сильнее, пальцы покалывало. Босхет, шагая следом за некромантом, мрачно сопел и сердито передергивал плечами. Дух-убийца тоже чувствовал потустороннюю магию. Но кроме этой явной угрозы существовала и другая. Когда Битах уничтожила Лудэр и растеклась по Праге, кадаверциан покидали свое поселение в большой спешке. Кристоф, следуя приказу Вольфгера, ушел одним из первых, уводя за собой выживших в войне братьев. А мэтр остался еще на несколько часов, расставляя ловушки для возможных незваных гостей и пряча то, что нельзя было унести с собой.

Вольфгер так никому и не рассказал про оставленные здесь смертельные сюрпризы. А ученик не считал необходимым допытывать наставника расспросами, ведь никто из клана не предполагал когда-либо вернуться сюда без его приказа.

Впрочем, как убедился кадаверциан, это был далеко не единственный секрет мэтра. Теперь Вольфгера нет, все тайны он унес с собой, и его воспитаннику придется выпутываться самостоятельно.

Бетайлас коротко кивнул в ответ на взгляд мастера Смерти и направился вперед. Если бы можно было использовать заклинание «Туманной гончей» – порождение кадаверцианской силы легко нашло бы все магические ловушки. Но даже слабый всплеск магии мог пробудить Битах. Поэтому в Прагу и поехал Босхет – мастер по разного рода вскрытиям. Его присутствие давало надежду на то, что до зала Совета колдун доберется живым и здоровым.

Кристоф подождал, пока бетайлас отойдет на тридцать шагов, и только потом двинулся следом. Битах молчала. Даже тупая боль в какой-то момент стала привычной. Коридор с множеством ответвлений, которые вели в жилые помещения подземного города, закончился входом в круглый зал с куполообразным потолком. Здесь находились ниши, застекленные витражами.

Опытный человеческий эксперт, взглянув на многокрасочные панно, сказал бы, что это работа венецианских мастеров, и... ошибся. Личный заказ Вольфгера исполняли фэриартос. Тысячи тысяч разноцветных стеклышек, сложенные в картины, рассказывали о самых значимых событиях в истории клана Кадаверциан от зари человечества до начала войны с Лудэром.

Последняя ниша была пуста – витраж, повествующий о победе над врагом, так и не был создан. Та победа оказалась... как говорят люди – пирровой. После нее было уже не до витражей.

В центре зала до сих пор работал фонтан. Струи воды били на десятиметровую высоту. Кристоф подумал о том, что в двенадцатом веке такое сооружение под землей люди сочли бы чудом. Теперь подобная диковина была легкодостижима для человеческой цивилизации. Однако смотрелось все по-прежнему величественно.

Раньше в глубоком бассейне жил Страж. Цепной пес клана Смерти. Ни оружие, ни стандартная магия братьев не могли причинить ему вреда. Если кровный брат не состоял в клане Кадаверциан, он не мог миновать Гипнала и проникнуть в эти залы без личного приглашения Вольфгера.

Кристоф перегнулся через бортик фонтана и с тихой грустью посмотрел в воду. Там, на дне, лежал скелет Гипнала – гигантского дипса², которого убила Битах. От некогда огромного, блестящего змеиного тела остался лишь длинный позвоночник и бугристый череп.

Величие клана исчезло так же, как погиб Страж. Тихо и незаметно для окружающих. После того как кадаверциан ушли из Праги, их силы оказались подорваны. Помня о случившемся, другие семьи не рисковали злить колдунов, но та глупая война забрала слишком много.

Уникальные книги были утрачены. Множество мастеров Смерти погибли. Некроманты перестали вмешиваться в политику кровных братьев и брали себе учеников лишь в исключительных случаях. Для кадаверциан наступила глубокая осень. Лудэр добились своего, даже проиграв. Рассвет силы клана сменился его закатом.

До недавних пор считалось, что исчезла сама суть, дух клана Смерти. Так думали многие...

Следуя за Босхетом, Кристоф прошел дальше по центральному коридору, с большим трудом удержался от соблазна посетить библиотеку, хранилище и лаборатории. Он понимал, что рисковать глупо и задерживаться не стоит.

Бетайлас внезапно остановился, оглянулся на колдуна и молча указал вперед. Присмотревшись, тот увидел в центре лестницы, ведущей наверх, едва мерцающее розовое зарево.

На нейтрализацию этой ловушки кадаверциану потребовалось больше пяти минут напряженной работы. Дважды он был близок к тому, чтобы привлечь к себе внимание Битах. Он чувствовал, как она беспокойно ворочается в своей дреме. Пытается выбраться, разорвать оковы сна, которыми ее опутал Вольфгер.

Прежде чем добраться до зала Совета, Босхет еще дважды предупреждал о спрятанных по дороге сюрпризах.

Один раз бетайлас замер посреди коридора, покрутил головой, то ли прислушиваясь, то ли приняв хиваясь, протянул руку, явно ощупывая нечто невидимое перед собой. Затем вдруг резко отступил на шаг и подпрыгнул. Уцепился за едва заметный выступ на потолке, подтянулся и перелез через нематериальную преграду. Но едва его ноги коснулись пола, за спиной тут же вспыхнула стена, сотканная из зеленых волокон. Они сплетались, словно кусты густого терна, и сыпали изумрудными искрами.

Кристоф услышал сдавленные ругательства бетайласа, который задел один из «шипов», и бросился обрубить «ветки» ритуальным стилетом, сначала проделавшим брешь в зеленой стене, а затем полностью срезавшим густые «заросли».

Но если с этим препятствием колдун справился относительно легко, то с «Пьющим душу» возникла масса проблем.

Босхет, идущий впереди, неожиданно без единого звука рухнул на пол. Мертвое тело осталось лежать неподвижно, а сам дух-убийца, выброшенный из физической оболочки, метнулся прочь – как можно дальше от мощного сторожевого заклятия, едва не всосавшего его. Да и сам Кристоф едва не лишился своей силы. Заклятие, оставленное мэтром, напоминало губку и было готово с радостью впитать любое проявление магической энергии. Жаль только, что Битах «Пьющему» не по зубам.

Постоянно уклоняясь от шупалец заклятия, Кристоф лихорадочно работал. Наконец, когда руки уже ощутимо дрожали, ему удалось перевести «Пьющего» в замкнутую систему. Спустя несколько секунд ловушка сожрала саму себя и исчезла, открывая проход в слабо освещенный зал Совета.

² Дипс – мифический змей, яд которого настолько силен, что им пропитываются даже кости укушенного. Магия на эту рептилию не действует.

На огромном полу черно-бело-зелеными плитами был выложен герб клана Кадаверциан – крест, увитый плющом. Сводчатый потолок терялся во мраке, а дубовые кресла, на которых в былые годы восседали братья, казались остовами тьмы. Кристоф остановился у крайнего. Это было его место – по левую руку от главы клана. Колдун провел ладонью по спинке. Затем заставил себя отбросить воспоминания и подошел к трону мэтра.

Здесь, на высоком столике, стояла шкатулка Вольфгера, в которой находилась святая для каждого из адептов смерти вещь – Крест Основателя. Тот самый, который клан выбрал для своего герба.

Он нес в себе немалую магическую силу, и та была столь страшна и опасна для любого из кровных братьев, что этим артефактом воспользовались лишь один раз. В конце противостояния с Лудэром.

Силой враги не уступали колдунам, и тяжелая война длилась не один век. С обеих сторон погибло множество братьев, кланы оказались почти обескровлены, но ни один не мог взять верх над другим. И тогда на совете кадаверциан было принято решение воспользоваться даром Основателя.

Мастера Смерти вызвали из потустороннего мира ту, что пожирает тела и души братьев. Битах. Они натравили ее на всех, в ком была кровь Лудэра, и за одну ночь от этого клана остались лишь воспоминания. Но вместе с ним исчезли больше двух сотен киндрэт, совершенно непричастных к войне, ибо Битах вырвалась из-под контроля и стала без разбору пожирать любого, кто питается человеческой кровью. Если бы не мастерство Вольфгера, история киндрэт завершилась бы в ту страшную зимнюю ночь.

Мэтру не удалось выбросить чудовищную сущность обратно в потусторонний мир – на это требовалось могущество самого Основателя. Но учитель Кристофа совершил невозможное – ценой невероятных усилий он сумел погрузить Битах в глубокий сон.

Однако сущность можно было разбудить свежей кровью тех, кто охотится ночью, или же достаточно сильной, неосторожно использованной магией. Именно по этой причине кланы навсегда покинули Прагу и переехали в более безопасный город – подальше от Битах. И именно по этой причине под Петринский холм теперь вернулся Кристоф.

Находясь в двух шагах от тяжелой шкатулки, инкрустированной нефритом и ониксом, кадаверциан не видел никакой защиты, окружающей ее. Деревянная коробка выглядела абсолютно безобидной – нужно было просто подойти и открыть крышку. Многие, возможно, поступили бы именно так. Но однажды, очень давно, еще в Париже, который во времена юности Кристофа назывался Лютецией, колдун видел, как мэтр накладывает мощнейшее охранное заклятие на древнюю книгу пророчеств. И после на ней также не осталось никаких видимых следов.

Остановившись в шаге от цели, Кристоф напряженно вспоминал заклинание. Символы медленно всплывали в памяти и, казалось, приобретали материальность, едва мастер Смерти произносил их вслух.

Спустя минуту воздух вокруг шкатулки замерцал и сгустился, превращаясь в светящиеся зеленую прутья. «Кровавая решетка» стала видимой, но от этого не менее опасной. Любой прикоснувшийся к ней был бы убит на месте.

Вторая часть формулы далась кадаверциану с большим трудом. Она жадно отбирала у него остатки ментальных сил, наполняла голову звоном и путала мысли. Но, наконец, прутья дрогнули и рассеялись, выпуская добычу.

Колдун холодно проверил – не упустил ли еще какой-нибудь каверзы учителя – и лишь после этого, нажав на скрытую пружину, открыл крышку.

Сделанный из черного металла, Крест Основателя лежал на белом бархате и казался очень массивным. Серебряная с малахитом ниточка плюща обвивала крестовину. Некромант взял артефакт, и тот как влитой лег ему в руку. Достав из внутреннего кармана куртки черный

шелковый мешочек, Кристоф убрал в него реликвию, завязал алые шнурки и спрятал добычу обратно в карман.

Все. Дело сделано. Теперь следовало уходить как можно скорее. Обратная дорога должна была стать слишком долгой, и никто не знал, какие сюрпризы приготовил Вольфгер для похитителя артефакта, задумавшего возвращаться назад по своим следам. Кадаверциан решил не рисковать.

В северной стене зала Совета виднелась глубокая ниша. В ней скрывалась очень крутая витая лестница. Множество выдолбленных в камне ступенек – грубых и узких – уходили во мрак и вели к каменной плите, перекрывающей выход.

Но дорога оказалась для Кристофа значительно тяжелее, чем он рассчитывал. Боль в спине нарастала, а и без того тяжелый крест теперь казался попросту непосильной ношей...

Когда кадаверциан наконец добрался до верхней ступени и, положив на плоский камень над головой обе руки, произнес заклятие «ключа» – глыба не дрогнула. Подождав несколько мгновений, колдун перевел дыхание и, стараясь не торопиться, повторил заклинание.

Снова никакого результата.

Очередной сюрприз Вольфгера? Или магия, заложенная в камни, рассеялась со временем?

Чувствуя, что с каждым шагом все ниже склоняется к земле, мастер Смерти спустился по ступеням и, вновь не пожелав идти по своим следам, поспешно направился в самое сердце подземного города...

Нужные ему покои были последними.

Двустворчатые двери распахнулись бесшумно от одного прикосновения. Аромат цветов ливанского кедра до сих пор витал в жарком воздухе.

Помедлив, Кристоф шагнул в роскошный зал – осколок мира, принадлежавшего другой эпохе. Круглый золотой диск, изображающий солнце, свисал с потолка на тяжелых цепях. Статуя Анубиса в центре зала смотрела на необъятное ложе под золотым балдахином. Постель была смята, леопардовые шкуры на ней небрежно разбросаны.

Массивные треножники, стоящие на небольших возвышениях, сверкали так, словно их металл полировали совсем недавно. Занавеси из тончайшей газовой материи бросали призрачные тени на великолепные росписи на стенах: тростник, поднимающийся над черной водой, белые цапли, цветущий лотос. А в центре этого великолепия – изображение трона, на котором сидит прекрасная черноволосая женщина в красно-белой короне двух Царств. Дочь фараона.

С фрески на Кристофа, не отрываясь, смотрели ее темные глаза, полные жизни. Алые губы улыбались едва заметно. Тонкое тело, обернутое белой тканью с золотыми полосами, казалось слишком хрупким на фоне массивного каменного сиденья.

И, глядя на это живое лицо, изображенное на мертвом камне, колдун на минуту перестал чувствовать боль в спине и тяжесть Креста в кармане...

Ее длинное, непроизносимое имя, казалось, просто невозможно запомнить, как и родословную, уходящую корнями в необозримо далекое прошлое. Дочь Эхнатона была высокомерна, умна, самолюбива, жестока, и жизнь уже давно тяготила ее.

«Жаль, что ты не появился среди нас на две тысячи лет раньше, – обронила она как-то, пристально глядя на Кристофа. И он впервые увидел в ее черных глазах тоску. – Быть может, тогда я смогла бы понять эту новую реальность».

Она научила его читать и говорить на древнеегипетском, драться на двусторонних секирах и видеть красоту в величественных статуях ее старых богов. А он слегка примирил Макетатон с новой жизнью...

Она погибла от «Могильной гнили», так же, как и многие другие. В нелепости смерти гордая египетская принцесса ничем не отличалась от своих менее родовитых братьев и сестер. На рассвете Кристоф вынес ее, еще живую, из убежища и оставил на склоне холма.

Холодный пражский ветер разметал пепел, оставшийся от дочери фараона, и спустя годы на нем выросли новые деревья.

«Чем мы отличаемся от смертных? – подумал кадаверциан, последний раз взглянув на фреску. – Ничем. Также умираем и ложимся в землю».

...Каменный блок в стене за ложем отодвигался в сторону. За ним чернел провал потайного хода. В одном месте коридор становился просторнее, на полу появлялось нечто вроде ступеней, а затем сужался до темного лаза, протискиваться по которому можно было лишь с большим трудом.

Кристоф чувствовал себя крысой, ползущей по узкой трубе. Неожиданно ему показалось, что Битах чувствует, как удаляется Крест, к которому она была крепко привязана, и это беспокоит потустороннюю силу.

Лаз вывел в старый парк рядом с храмом святого Вавренсия. Колдун почувствовал запах сырой земли, его рука наткнулась на плиту, перегораживающую вход. Так же, как дверь из зала Совета, она открывалась с помощью магии и небольшого физического усилия. Но на середине камень заело, и некроманту пришлось потрудиться, чтобы выбраться...

– Помочь? – неожиданно прозвучал над ним участливый голос.

Кристоф резко вскинул голову и увидел уже знакомую фигуру в больничной пижаме. Серое пальто было небрежно наброшено на узкие плечи, стоптанные ботинки в грязи. Человек наклонился над некромантом, наполовину вылезшим из земли, и протянул руку. На ее запястье показался широкий шрам с белыми точками по краям...

Кадаверциан пристально посмотрел в лицо незнакомцу, и оно тут же стало меняться. Морок рассеялся. Теперь рядом с ним стоял, улыбаясь, юноша лет шестнадцати в коричневом пиджаке и потертых джинсах. В его длинных темных волосах виднелось несколько светлых прядок.

Иноканоан – глава клана Иллюзий. И непревзойденный мастер по их созданию.

Некромант молча ухватился за его руку и выбрался на поверхность.

– Думаю, ты не знаешь, зачем я здесь, – доброжелательно сказал лигаментиа, наблюдая за мастером Смерти, ставящим плиту на место.

– Отчего же, кое-какие предположения у меня есть, – отозвался тот, выпрямляясь.

Юноша сел на камень и с видом глубочайшей задумчивости уставился на землю у себя под ногами.

– Ты вынес из подземелий некий крест. Это был неразумный поступок.

– Ну и что ты собираешься делать теперь? – спросил кадаверциан не без иронии. – Попытаешься убить меня и забрать артефакт?

Иноканоан понимающе усмехнулся в ответ:

– Да, это бессмысленно. Здесь мы не сможем воспользоваться магией... боевой магией. Иллюзии не в счет. А в обычном поединке ты легко одолеешь меня. Только есть ли смысл драться, если можно договориться?

– Разумно, – согласился некромант, стряхивая грязь с куртки.

Лигаментиа вынул из кармана сигару, задумчиво посмотрел на нее, убрал обратно и продолжил:

– Появление в Столице артефакта Основателя может заставить кланы нервничать. И совершать ошибки...

– Надо было думать раньше, – резко отозвался Кристоф. – В тот день, когда ты голосовал за распад Совета, тебя не слишком беспокоили судьбы наших семей.

И, прежде чем Иноканоан успел возразить, продолжил:

– У меня есть несколько братьев и сестер, которые мне дороги. Их я и буду защищать так же, как они будут оберегать меня. А на прочих мне плевать.

Лигаментиа выглядел одновременно рассерженным и уязвленным. Но произнес по-прежнему вежливо:

– Клань предпочитают не связываться с кадаверциан. Вас боятся и уважают. Скажи, от кого ты собрался защищаться с помощью этого? От гин-чи-най? Или от самого Основателя?

Кристоф промолчал, но юноша и не ждал ответа.

– А что, если клань, объединившись, решат уничтожить кадаверциан до того, как те опять пробудят силу, погубившую Прагу?

– Они не объединятся, – ответил колдун, глядя на Иноканоана, который вдруг превратился из мудрого кровного брата в мальчишку, полного наивных юношеских представлений о жизни. – Одни будут сидеть тихо и трусливо желать, чтобы буря прошла мимо. Другие поползут к сильнейшему, вождедея получить его защиту. Третьи начнут громогласно взывать к общественному разуму и потихоньку интриговать. А четвертые удалятся в прекрасные, безопасные земли, недоступные большинству. Так что все очень просто. Примитивно. И не ожидай от них большего.

Кристоф повернулся к лигаментиа спиной и пошел к выходу из парка.

– Ты говоришь, как Вольфгер, – разочарованно сказал ему в спину Иноканоан. – И поступаешь так же самонадеянно.

Не оборачиваясь, кадаверциан небрежно махнул рукой, непредумышленно повторяя жест мэтра, означающий: «Думай, как хочешь».

Глава 2

Опасный гость

Это нелепо – разделять людей на хороших и плохих. Люди бывают либо обаятельны, либо скучны.³

1 марта

В центре просторной шестиугольной комнаты горел огонь. Он был заключен в круг и с шелестом бился об ажурную решетку, пытаясь вырваться и лизнуть ноги сидящего.

Верховный магистр клана Асиман смотрел на пламенный символ солнца и грел о его тепло холодные ладони. Огненные змеи, танцующие на длинных хвостах, тянулись к нему и плевались красными искрами. Особо резвые касались рук Амира, но не обжигали его. Их жар не мог уничтожить холод, давно живущий в теле мага.

Будь на то воля асимана, он бы сменил символ клана – корону и скипетр – на раскаленный диск солнца. Но вряд ли кто-то из учеников в состоянии понять иронию магистра. Древний страх перед светилом глубоко вошел в их кровь и требовал почитания других символов.

Невозможно безнаказанно изменить одному божеству, уйдя на службу к другому.

Религия юности Амира была проста. В мире в равных мерах существует добро – свет и зло – тьма. Между ними идет постоянная война, и человеку дозволено встать на любую сторону. Каждый поступок, каждое желание и мысль смертного может оказаться брешью в броне противника. Можно жить в бедности и гармонии, а можно в роскоши и пороке. Но первых божество поведет к свету по широкой дороге, а вторых – по узкому лезвию.

Душа молодого человека по имени Амир разрывалась. Одна ее часть, та, что просыпалась ночью, желала всех удовольствий этого мира. Ему отчаянно не хватало знаний, которые давали в храме, и ради большего он был готов даже убивать. Другая половина стремилась к свету и гармонии...

Он увидел ее во время чтения утреннего гимна. Молодой жрец призывал солнце, но на его зов из волн вышла прекрасная женщина.

Она изменила его жизнь, судьбу, предназначение. Показала дорогу, по которой он шагал уже не одно столетие и ни разу не пожалел и не усомнился.

– Ты боишься расплаты. – Киа сидела на ковре напротив смущенного юноши. Лазоревый полог над ее головой трепал ветер. Немигающий взгляд серых глаз, густо подведенных сурьмой, впивался в его глаза...

Вонзая острия ресниц, на стаи стрел похожи,
Их взоры ранят нам сердца, хоть и не ранят кожи.

Однажды он попытался прочитать ей стихи знаменитого поэта, но она лишь снисходительно покачала головой: «Это пустое. Не трать время». И с тех пор он произносил их лишь мысленно.

– Ты боишься расплаты.

Волны с шелестом набегали на берег. Ветерок касался ее черных локонов, выбивающихся из-под повязки, расшитой жемчугом. Мелодично позвякивали колокольчики, вплетенные в длинные косы.

³ Оскар Уайльд. Веер леди Виндермир.

– Я ничего не боюсь, – процедил он сквозь зубы, оскорбленный подозрением в трусости. Киа улыбнулась яркими прохладными губами, сняла с пояса узкий ножичек и протянула его Амиру:

– Тогда пойд и заколи моего раба.

Жрец посмотрел на оружие, потом перевел взгляд на невольников, стоящих поодаль, и отвернулся. Ярость и стыд заливали лицо ядовитым жаром. Уже не в первый раз ему хотелось задушить красавицу, смеющуюся над ним. Но без ее позволения он не смел даже подумать о том, чтобы прикоснуться к ней.

– В страхе нет ничего постыдного. Я тоже боюсь... – Она протянула руку, дотронулась до гладко выбритого подбородка Амира, заставляя смотреть на себя. – Боюсь скуки.

Утреннее солнце леопардовым узором лежало на ее коже. Одевание, которое дозволялось носить лишь египетским царицам, охватывало стройное тело, оставляя обнаженными грудь, руки и ноги ниже колен.

– Ты запираешь себя в клетке своей беспомощности. Тебе нет места среди людей. Я могу помочь тебе изжить свою слабость. Отведу к тем, кто освободит твою темную суть. Если ты хочешь этого.

Она была старше его на двадцать пять лет. Но ее лицо и тело оставались молодыми. Будучи великолепным алхимиком, Киа могла творить маленькие чудеса над своей плотью.

Умная, образованная, решительная, равнодушная к своей и чужой боли.

Она привела Амира в клан Асиман, глава которых доверял этой смертной женщине так же, как себе самому, если не больше. Ведь она была так умна, бескорытна, стремилась к познанию истины и давала столько ценных советов.

Несколько десятилетий новый ученик магистра послушно выполнял волю господина. Сумел стать его доверенным лицом. А потом убил его с помощью прекрасной человеческой советницы, чтобы занять место верховного магистра. Без жалости и сожаления, в тот миг, когда учитель не ожидал нападения...

Амир был болен этой женщиной еще целых десять лет. Она приходила к нему, новому главе клана, на закате, пахнувшая морской солью и раскаленным песком, а уходила утром. Удержать ее было невозможно так же, как солнце.

Амир, предлагал ей бессмертие, но Киа отказывалась, смеясь.

– Единственное, что примиряет меня с этим миром, – купание в морских волнах на рассвете. Я не хочу лишиться последней радости.

Лунный свет обливал ее полуобнаженную фигуру белым шелком и застывал в глазах двумя лужицами расплавленного серебра.

– Обращение не обязательно. Есть другие пути.

Из темного сада долетало невнятное журчание ручейка и вздохи ветра в вершинах деревьев. Тихий голос женщины тонул в шелесте и шепоте ночи:

– Стать твоим гемофагом? Мне уже скучно. Как ты думаешь, смогу ли я пережить вечную жизнь?

Все свои знания и силы Амир направил на то, чтобы ее тело как можно дольше оставалось молодым. Но удержать дух в этой прекрасной оболочке мог лишь один Ахура-Манью.

Киа умерла на рассвете. Ее золотой саркофаг магистр приказал опустить на дно моря, которое она так любила...

«Кому бы мы ни поклонялись, – прошептал Амир, наклоняясь к огню, – мы все равно поклоняемся солнцу».

Пламя дохнуло жаром в его лицо в ответ на мысль, которую большинство братьев посчитали бы кощунственной.

В комнату бесшумно вошел Кайл, почтительно преклонил колено и заговорил, не поднимая головы.

– Прошу прощения, магистр, учитель просил передать вам... – он сделал паузу, резко вздохнул и закончил неутешительную новость, – опытный образец погиб. И мы пока не знаем почему.

Амир медленно повернулся к нему. Шею молодого человека все еще окольцовывал широкий красный рубец – след от наказания тридцатилетней давности так и не прошел. «А ведь колдун был почти у меня в руках...» Магистр перевел взгляд на стену, где пламенела фреска, изображающая силуэт женщины, погружающейся в океан. Навстречу ей из воды поднималась заря...

– Передай учителю, я сейчас буду.

Кайл торопливо вышел. Верховный маг еще раз коснулся лепестков огня, тянущихся к нему сквозь решетку. Поднялся, обеими руками огладил складки тяжелого одеяния и, не торопясь, направился к выходу. Массивная дверь захлопнулась за его спиной, закрыв в комнате воспоминания прошлого.

Лаборатория была практически пуста. Хмурый Якоб записывал результаты последнего эксперимента.

Во внешности второго помощника Амира причудливым образом смешивались римские и франкские черты. Светлые, холодные северные глаза, в которых иногда начинали светиться отсветы безумия берсерка, под сросшимися у переносицы черными бровями. Нос благородного патриция, одного из тех, что так любили изображать на античных памятниках. Кожа, сохранившая матовую смуглость южанина, тяжелая квадратная нижняя челюсть.

В зависимости от душевного состояния асимана в нем ярче проявлялся образ одного из предков, заглушая другой. Сейчас перед Амиром сидел благородный житель Великой Империи, поглощенный научной работой.

Ученик Якоба упаковывал остатки опытного образца в черный полиэтиленовый мешок. Увидев магистра, второй помощник начал приподниматься, но Амир жестом велел ему оставаться на месте и не прерываться. Подошел к Кайлу.

– В чем цель человеческой медицины?

– Добиться бессмертия. – Не поднимая взгляда, тот рывком застегнул молнию.

– А наша цель?

– Добиться бессмертия, – устало повторил Якоб вместо воспитанника, закрывая журнал. – Оставьте его, магистр. Он немного... расстроен. Сегодня мы пытались воплотить в реальность его идею. Мой ученик возлагал на нее много надежд. Но, к сожалению...

Кайл навалился на стол обоими кулаками и с ненавистью уставился на пластиковый мешок, скрывающий итог его опыта.

– Не понимаю. Ошибки быть не могло. Эксперименты на животных показывали такие хорошие результаты! Магистр, взгляните.

Он бросился к столу, схватил с полки папку и поспешил к Амиру.

– Вот. Эта молекула. – Ученик торопливо перевернул несколько страниц и ткнул пальцем в длинную формулу. – Она очень большая, и ее поверхность... – он замолчал, подбирая нужное слово, – шероховатая, покрыта выступами. Она буквально притягивает воду. И...

– ...на животных это действует великолепно. – Амир бегло просмотрел записи.

– Да!

Теперь Кайл смотрел на мага взглядом, горящим вдохновением и нетерпением. Ожидал, когда ему укажут на ошибку, и можно будет броситься резать новых «пациентов».

– А когда ты ввел свой препарат человеку, начался некроз тканей.

– Да, – уже с меньшим энтузиазмом подтвердил ученик.

– Он по-прежнему считает, что магия и медицина несовместимы, – сказал Якоб с усмешкой, хотя в его голосе слышалась гордость за ученика. – Современные специалисты. Не понимают, что в наше время любая наука была магией.

– Я покажу, в чем твоя ошибка. – Амир вынул карандаш из нагрудного кармана Кайла и подчеркнул несколько слабых мест в записях. – Обрати внимание на эти соединения.

– Значит, я могу продолжать?!

Нетерпение воспитанника позабавило магистра.

– Можешь. Но не сегодня. У меня есть для тебя и для твоего учителя персональное задание. И оно связано с магией.

На лице Кайла появилось недоверчиво-настороженное выражение. Якоб устало потер переносицу и поднялся.

– Идемте за мной.

Длинный коридор, выложенный гранитными плитами с красными прожилками, изгибался широкими концентрическими кругами. Он вел в нижние лаборатории. Часть из них были открыты всегда, но самая нижняя отпиралась лишь по личному приказу Амира. Кое-кто из асиман называл эти помещения кругами ада. И только идиоты могли считать, что там подвергаются пыткам люди. Какой смысл доводить опытный материал до смерти от болевого шока.

Вчера магистр слышал разговор двух лаборантов:

– Где ты работал сегодня?

– В третьем.

– Повезло.

– Повезло?! У нас трое с отравлением. Едва не передохли. Мы работаем, как каторжные, а толку? Я не вижу смысла...

Он замолчал, увидев Амира, и оба асимана поклонились магистру. А тот пристально взгляделся в лицо недовольного, запоминая. Магом становится лишь адепт, который доходит до самого нижнего круга, не обращая внимания на повреждения, ожоги, травмы, усталость и периодические разочарования. А этот юнец так и останется на подсобных работах. Потому что не видит смысла...

Магистр взглянул на Кайла. Ученик оглядывался с жадным любопытством, и его глаза горели нетерпением.

Коридор закончился. Амир остановился у последней двери, приложил руку к косяку. Контур ладони обвело огнем, вход открылся. Но в это мгновение к магистру подбежал запыхавшийся Рэдрик. Похоже, он мчался бегом с верхнего уровня.

– Господин ар Рахал, прошу прощения. К вам пришли.

– Кто? – отрывисто спросил Амир, недовольный тем, что его отвлекают.

Маг замялся, быстро огляделся по сторонам и произнес отчего-то шепотом:

– Дарэл Даханавар.

Кайл тихо свистнул, Якоб покачал головой. Удивляться было чему. Похоже, бывший телепат мормоликай сошел с ума, если решил явиться в убежище к асиман.

– И что, позволь узнать, ему надо?

– Он хочет побеседовать с вами. Говорит, это очень важно.

– Хорошо. Я поговорю с ним. Проводи его в мой кабинет.

Даханавар вольготно расположился в кресле перед плазменным телевизором.

Телепат не обращал внимания на троих охранников, глядящих на него как голодные кошки на мышь, и с предельно заинтересованным видом смотрел на экран, нажимая кнопки пульта и перебирая телевизионные каналы. Но, едва только заметил появление магистра, стремительно поднялся, лучась широкой улыбкой.

– Уважаемый Амир. Счастлив видеть в добром здравии.

Асимана передернуло от подобного приветствия.

– Ты отрываешь меня от работы, – процедил он сквозь зубы. – Что тебе надо?

– Видишь ли, в чем дело... – Дарэл бросил пульт на кресло, подошел ближе и произнес доверительно: – Мне нужно убежище. А твой дом подходит для этой цели как нельзя лучше.

Подобной наглости нельзя было ожидать даже от Миклоша. Асиман желчно рассмеялся и спросил:

– Некроманты больше не нуждаются в твоих услугах? Решил поменять покровителя?

Дарэл смерил его раздражающе снисходительным взглядом:

– Ты не понял. Я пришел сюда не для того, чтобы предлагать тебе услуги телепата. Мне нужен ты и весь твой клан. Я не собираюсь работать на вас. Я хочу, чтобы вы поработали на меня.

Амиру осталось лишь ошеломленно покачать головой. Его первое предположение оправдалось – даханаварский сопляк действительно безумен. Магистр чуть шевельнул ладонью, и в сторону Дарэла полетела стая раскаленных искр.

Он не собирался убивать глупого, нахального щенка. Тот мог пригодиться живым. Но телепат неторопливо шагнул в сторону, и тут же воздушная волна смела огненные капли и швырнула их на пол, превращая в жалкие хлопья сажи.

– Не думаю, что это верное решение, – сказал он.

Магистр почувствовал мощную магическую вспышку и застыл, потрясенный.

В руках Дарэла появились два коротких огненных жезла с кривыми лезвиями на концах. Он лениво крутанул их, превращая в размытые круги пламени. Высшая магия асиман. «Тенеты огня».

Охрана, наконец, очнулась от шока и бросилась на защиту магистра.

Огненные лезвия легко выскользнули из ладоней телепата и, шипя, врезались в двух магов, рассекая их пополам. Третий успел швырнуть клубок пламени, но красный диск распылил заклинание и отсек асиману голову.

Амир, не помня себя от ярости, вскинул руку. Пламенная волна хлынула на убийцу, скрыла его фигуру, сжигая дотла. Должна была сжечь, но в ту же секунду магистр увидел два сверкающих ледяных лезвия, пронзающих огонь. Мощнейшее заклинание разорвало в клочья. Пламя зашипело, испаряясь, потекло на пол потоком черной грязи. А невредимый Дарэл стоял, усмехаясь, и небрежно поигрывал двумя короткими ледяными клинками.

И, прежде чем Амир успел ответить новой магической атакой, один из мечей полетел в его сторону, превратился в ослепительно сверкающую сеть и опутал с ног до головы. Изумленный асиман почувствовал, что не может шевельнуться, более того, даже не может призвать магию. Пламя, всегда послушное ему, как будто превратилось в едва тлеющие угли.

Телепат вдруг обернулся к выходу, размахнулся и швырнул второй клинок в сторону двери. В ту же секунду она распахнулась, и в кабинет вбежал Якоб. Синяя молния пронзила его, вздернула в воздух и пригвоздила к стене, словно тряпичную куклу. Ученик магистра дернулся и безжизненно уронил голову на грудь. По рукояти меча, торчащего из его тела, побежала струйка крови. Дверь захлопнулась сама собой.

– Вся беда в том, что своей магией победить меня вы не можете, – любезно пояснил Дарэл, наблюдая за яростными попытками Амира освободиться. – А другой не знаете.

Даханавар махнул рукой, меч вылетел из груди Якоба, и телепат легко поймал оружие. Ученик тяжело рухнул на пол. Потом пошевелился и застонал.

– Жив, – равнодушно заметил Дарэл. – Я ценю полезных мне людей и не людей.

Задыхаясь от бешенства, магистр пытался собрать ускользающую от него силу, все еще уверенный, что она вернется через мгновение. И в то же время в глубине души он чувствовал,

как начинает разрастаться в нем тончайшая паутинка неуверенности. Привычный мир, в котором Амир Асиман считался непобедимым, был готов дать трещину.

Где даханаварский ублюдок мог обучиться сложнейшей огненной магии?! Заклинаниям, доступным лишь верховным огненным магам? И как он сумел воспользоваться давно забытыми заклинаниями леарджини?!

– Ты сам научил меня, – отозвался телепат, явно прочитав его мысли, и сел в кресло, воткнув оружие в пол рядом с собой.

– Ты не выйдешь отсюда живым, клянусь! – прохрипел магистр. – Нет, ты не умрешь быстро. Я прикажу поджаривать тебя на медленном огне, пока ты...

– Хватит, – произнес Даханавар спокойно, однако что-то в его голосе заставило асимана замолчать. – Ты же не глуп, Амир. Мы могли бы договориться, а ты заставляешь меня проделывать все эти бессмысленные трюки и убивать твоих слуг.

В коридоре у кабинета слышались торопливые шаги, тревожные голоса. В дверь постучали.

– Магистр! Господин ар Рахал! Магистр, ответьте!

Глава клана молчал, не отрываясь глядя на Дарэла. На коленях даханавара засветился красный шар, медленно принимающий форму ящерицы с высоким острым гребнем. Огненная саламандра, пока еще маленькая и безобидная, лениво зевнула, переползла на плечо к телепату и потерлась заостренной мордой о его скулу. Амир застыл, чувствуя, как по его виску течет капля пота.

– Невозможно, – прошептал асиман. – Дух Огня не подчинялся никому... никогда... кроме...

– Кроме Основателя, я знаю, – небрежно отозвался Дарэл.

Голоса у кабинета стали громче. Видимо, обеспокоенные ученики собирались выбить дверь.

– Ответь им, – предложил телепат, поглаживая саламандру. – Впрочем, ты можешь пригласить их войти. Эта зверушка очень голодна. И я с удовольствием скормлю ей весь твой выводок.

Амир помедлил секунду и крикнул:

– Уходите! Я занят.

Голоса стихли, чтобы тут же зазвучать снова:

– Но магистр, мы слышали...

– Убирайтесь все! Живо! Когда будет нужно, я позову.

Никто не хотел испытать на себе гнев ар Рахала, поэтому асиманы поспешили удалиться.

– Мудрое решение, – улыбнулся Дарэл. – Может быть, теперь поговорим спокойно?

– Хорошо, – выдал из себя Амир. – Чего ты хочешь?

Сеть растаяла, выпуская его. Магистр сделал несколько нетвердых шагов к дивану и тяжело опустился на него.

– Сначала, позволь, я расскажу тебе одну легенду. Про Основателя и клан Кадаверциан. – Даханавар осторожно снял саламандру с плеча и пересадил на подлокотник кресла. – Располагайся удобнее. Рассказ будет долгим.

Глава 3

Чужак

Связующим звеном всех отношений, будь то брак или дружба, является разговор.⁴

2 марта

Дарэл Даханавар

Всего несколько часов назад я лежал на узкой продавленной кровати, чувствуя, как мир медленно вращается вокруг. В голове звучали чужие голоса, из темноты выплывали смутно знакомые лица. Чужая магия разрывала на части...

Я, и не совсем я. Сознание разделилось. Одна его часть принадлежала мне, другая вдруг обрела собственную волю и желания. Я не мог бороться с ней. Она была слишком сильной. Чудовищно сильной. Мне удавалось лишь плыть по течению чужих мыслей, временами проваливаясь в черноту. И снова выныривать на поверхность... Размышления мои часто путались с его воспоминаниями и видениями.

Пребывание в сознании Вивиана едва не лишило Основателя последних сил. Молодой некромант боролся слишком упорно. Не хотел выполнять приказы, не желал слушаться мудрого «внутреннего голоса». Пытался жить сам, упрямый глупец.

Чужая сила довела только что обращенного человека до надежного укрытия. Спасла от фанатиков – фэри, считавших возрождение Основателя национальным бедствием... Если бы Фрэнсису и двум его ученикам удалось провести задуманный ритуал, сейчас он болтался бы внутри древнего артефакта, беспомощный и жалкий.

– Я создал их! Почему теперь они хотят уничтожить меня?!

Он с размаху ударил кулаком по спинке кровати, и я, испытывая чужую ярость и ненависть, с трудом поднялся. Шатаясь, добрался до мутного, засиженного мухами зеркала, и чужак, поселившийся в моем разуме, увидел свое лицо. Для него новая внешность была странной, но не отвратительной. Пожалуй даже, она больше соответствовала его новой внутренней сути.

Он, и я вместе с ним, снова рухнул на кровать. Пружины продавленного матраса натужно застонали.

В старом доме, подготовленном под снос, гулял ветер, играя обрывками обоев и клочьями пакли, вылезшей из дыр между рамами. В обломках старой мебели шуршали тараканы. Грязь, запустение и убожество.

Великолепное место для возрождения.

«Господин, мы будем ждать. Десять тысяч лет, двадцать, неважно... Мы сделаем все, чтобы ты вернулся. Мы помним нашу цель и передадим ее тем, кто последует за нами...» – Уродливая морда Молоха, одного из первых созданий Основателя, выражала полное подчинение, едва ли не преклонение. Впрочем, все тогда казалось ему уродливым. Диким, чужим.

– Ничего вы не помните, – прошептал он моим голосом в пустоту прошлого.

Ему не мешали искорки моего сознания. Казалось, он вообще не ощущает мое присутствие. Сила кланов переполняла его, создавая ощущение невиданной мощи. Но это была иллюзия.

«Мне нужно убежище. Место, где я смогу спокойно дождаться окончания трансформации. Где найти такое место? У кого?» Чужак закрыл глаза, одно за другим вспоминая незнако-

⁴ Оскар Уайльд. De Profundis.

мые и такие узнаваемые лица. Моя память была наполнена яркими образами, номерами телефонов, адресами. Вся информация, доступная мне, теснилась и в его голове.

Он копался в моих воспоминаниях, тасуя образы кровных братьев, словно колоду карт. И те, кого я считал друзьями, для него таковыми не были. Так же, как и враги...

«Кадаверциан? Нахтцеррет? Даханавар? На территорию волков заходить не стоит. И попадаться на глаза лигаментиа тоже нельзя. Фэриартос... вьесчи... асиман... Мне нужно время. Время, чтобы вся сила пришла в равновесие. Сейчас я беспомощен почти как раньше. Тогда, в первые дни».

С его руки сорвалась золотая молния и ударила в грудь рухляди, наваленной у стены, – обломки мебели разлетелись во все стороны.

У меня больше не было сомнений в том, что за существо прочно поселилось в моем сознании. Вольфгер, обративший Вивиана, передал ему не только всю свою силу, но еще и потусторонний дух, о котором я слышал лишь в легендах. А я, пытаясь спасти молодого кадаверциана, считал его воспоминания и перетянул в свой разум чужую сущность. То есть она перебралась сама, почувствовав во мне способности телепата. Того, кто сможет собрать всю доступную силу кланов... Ученик Кристофа успешно обуздывал Основателя, не давая тому управлять собой и диктовать свои желания. Я выпустил его на волю.

Магия этого мира была для него чуждой. Но он очень быстро учился. Сначала, с моей помощью, он овладел силой кланов в теории, теперь, видимо, пришло время практики...

За окном выла метель. Ее дыхание залетало внутрь сквозь разбитое стекло. Ледяная изморозь оседала на стенах острыми кристалликами инея, искрящегося в свете уличного фонаря. В промежутке между рамами вырастала горка снега.

«...Мне нужна еда, нужна кровь. Здесь я могу питаться только кровью...»

Атум, так чужак называл себя мысленно, протянул руку, нагреб полную горсть снега и прижал ко лбу. Пальцы и кожа онемели от холода, по щеке побежала капля воды. Мороз, боль, тепло, шум дыхания, торопливые толчки сердца, голод... Простейшие ощущения вновь обретенной жизни... Он жадно впитывал каждое новое чувство, упиваясь им.

Затем в мыслях Основателя замелькали картины прошлого. Они были отрывочны, оборваны, словно кадры из фильма, снятого на любительскую камеру. Но от этого не менее яркие, яростные и болезненные. И я был вынужден переживать их вместе с ним...

Синяя вспышка магического портала, разодравшего пространство. Камни, жидкая грязь чужого, враждебного мира. Быстро увеличивающаяся полоска света на горизонте превращалась в белое слепящее марево... Обожженная кожа и слезящиеся веки.

Первое правило – никогда не попадать на дневной свет. Первое убежище – пещера, полная прохладной, спасительной тени. И уже в ней, растянувшись на полу, многие часы боли от ожогов и непереносимой тяжести. Его словно придавило к полу каменной плитой. Магия, переполнявшая все его существо, казалась непосильной ношей. Она душила и разрывала на части. Не давала подняться и связно мыслить.

Мир за пределами пещеры был наполнен жизнью. Яркой, молодой, сильной и жадной. Множество созданий перемещалось по земле, но для Атума все они были одинаковы – всего лишь светящиеся комочки тепла. Материал, из которого можно создавать новых существ.

Решение пришло в яркой вспышке внезапного озарения. Он должен избавиться от магии. Пожертвовать ею для того, чтобы выжить. Навсегда остаться в этом мире.

Первое создание из тех, кого он привлек силой магии, погибло, выжженное его мощью.

За ним последовали другие. Одни умирали сразу, другие удерживали в себе искорку силы, подаренной чужаком, несколько часов, дней или недель. Но все они оставались несовершенными до тех пор, пока Атум не понял, кто из них изначально наделен разумом.

Он не помнил, как создал первых, разделив себя между ними. Дав каждому частицу магии и вложив в каждого стремление развивать ее, приспособив к особенностям этого

пространства. А свой дух поместил в самого ценного, единственного, способного выйти в потусторонний мир.

И уснул, опустошив свое сознание и разум. Потерял себя на много тысяч лет, чтобы проснуться в полуразрушенном доме...

Атум вытер мокрую от растаявшего снега руку об одежду и поднялся. «Асиман», – решил он, глядя на морозные узоры на окнах. Жадные, беспринципные и скрытные. Вот кто нужен ему сейчас.

С ними не должно было возникнуть осложнений. И не возникло. Теми, кто уважает силу, очень легко манипулировать.

Но теперь Основатель устал. Я чувствовал его утомление как вязкую черноту, временами наползающую на мое сознание, и едва мог бороться с ней. Эффектная демонстрация заклинаний перед асиманами отняла последние силы. Ему зверски хотелось спать, еще больше – есть, но расслабляться было нельзя.

Бледный до синевы Якоб полулежал в дальнем кресле, пережидая мучительную регенерацию. Магистр асиман сидел, подавшись вперед, смотрел прямо перед собой невидящими глазами и нервно похрустывал суставами пальцев.

– Мне жаль, что ты видишь меня в образе своего врага, Амир, – доверительно говорил ему гость.

– Он был не моим врагом... – с видимым усилием ответил ар Рахал. – А всего лишь одной из досадных помех, которые хотелось устранить.

– Теперь она устранена. И, если ты хочешь, я могу убрать остальные. Для начала я выполню одно твоё желание, Амир. Какой клан мешает тебе больше всего?

– Даханавар, – хрипло произнес маг. – Фелиция. Мы уже пытались уничтожить ее, но гречанка слишком хитра и осторожна. Кроме того, магический потенциал мормолика очень высок. Прямое столкновение с ней смертельно опасно.

«Что за глупцы», – рассеянно подумал его собеседник, поглаживая костяной гребень саламандры.

– Я помогу вам обезглавить клан Даханавар абсолютно бескровно.

– Это невозможно. – Впервые за разговор асиман поднял взгляд на опасного гостя, смотря на него с опаской и недоверием.

– Доверься мне, – беспечно отозвался тот. – Ее не будет. А теперь, если ты не против, я бы хотел отдохнуть.

– Да, конечно, – отозвался магистр, поднимаясь. – Я провожу. Прошу вас...

Он замаялся, явно не зная, как называть собеседника.

– Дарэл, – ответил тот с улыбкой, позволил саламандре превратиться в струйку дыма и тоже встал. – Думаю, так будет проще. Ни к чему вызывать нежелательный ажиотаж вокруг меня. Хотя бы первое время. И вот еще что. Не говори обо мне своим ученикам. Им тоже пока не стоит знать о нашем сотрудничестве.

Его проводили на самый нижний уровень, в небольшую комнату, обставленную скромно, но уютно и почти лишенную красного цвета, столь любимого огненным кланом.

Атум запер дверь изнутри, лег на кушетку, закрыл на мгновение глаза, затем вынул из кармана мобильный, пролистал номера телефонов.

– Фелиция Даханавар, – произнес он задумчиво, глядя на светящийся экран сотового. – Прекрасная, недоступная Фелиция...

Связь в подземелье Амира была, значит, где-то здесь у него стояла собственная станция...

Мормолика ответила сразу, как будто давно ждала звонка.

– Доброй ночи, леди, – произнес он тихо.

– Дарэл?! – прозвучало в ответ после секундной паузы, и я, заключенный в сознание Основателя, почувствовал вихрь эмоций, охвативших гречанку.

Ледяная, невозмутимая Леди вспыхнула, обжигая меня тревогой, изумлением, недоверием, внезапной радостью. Никогда я не ощущал ее такой... беззащитной от собственных чувств.

– Дарэл, где ты? Что происходит? С тобой все в порядке?!

Бессмысленные вопросы, которые обычно произносят матери, беспокоящиеся за своих беспутных детей, или любящие женщины, не находящие места от беспокойства.

– Я хотел бы встретиться с вами. Сегодня...

Она не ожидала этого. Не думала, что опальный сканэр, собравший всю или почти всю силу кланов, захочет прийти к ней.

– Тебе нужна помощь? – Ее голос дрогнул, а в душе плеснула новая боль. Она думала, ее телепат уже мертв или безумен, а он сам стремится к ней, давая еще один шанс... убить себя? Эти мысли были для Фелиции невыносимы.

– Мне нужно увидеть вас. Поговорить. Но если вы...

– Я приду, – ответила Леди тут же. – Скажи, где тебя искать?

Атум назвал адрес, пользуясь моей памятью. Оживленная улица, магазины и кафе, работающие круглосуточно, непрерывный поток машин. Вряд ли там она решится активно пользоваться магией. Не захочет привлекать внимание. А потом...

– Я буду через час, – сказала Фелиция. – Дождись меня.

– Конечно.

Он нажал на кнопку отбоя и тихо рассмеялся. А потом она вообще не сможет воспользоваться магией. Нет, сила Леди останется при ней, но вот желание пропадет. Последняя мысль доставила Основателю особое удовольствие.

Он поднялся с кушетки, сунул телефон в карман и сосредоточился, глядя на стену. До меня долетело смутное воспоминание чужака о том, что в его родном мире перемещение через портал было несовершенно. Он открывался только в закрытом пространстве, неважно, природном или рукотворном. И сейчас Атум, не слишком уверенный в собственной магии, решил не экспериментировать.

Ворота открылись легко. Арка вспыхнула сияющим бирюзовым контуром и открылась в стене холодного подъезда человеческого дома. В самом темном углу. Основатель сделал шаг вперед, тут же стукнулся лбом о нижний скат лестницы, выругался, воспользовавшись парой слов из моего лексикона, и замер. Чуть выше на площадке слышались человеческие голоса, залихватистый девичий смех и неумелое брэнчание на гитаре.

Там были живые, доступные, беспомощные люди. Атум неосознанно шагнул в ту сторону, чувствуя аромат крови, исходящий от них, но в это мгновение громко хлопнула входная дверь, и он остановился. Мимо протопала женщина, нагруженная сумками, неодобрительно покосилась на молодого человека, бесцельно торчащего в подъезде, буркнула что-то невразумительное и, тяжело дыша, направилась к лифту.

Основатель стоял и смотрел ей вслед. Голод вспыхнул в нем с новой силой, но неповоротливая «добыча», источающая усталость и запах дешевых духов, не вызвала аппетита. К чему торопиться, когда теперь к его услугам весь город.

Улицы были засыпаны снегом и освещены разноцветными огнями, похожими на новогодние гирлянды. В темном, чистом небе редкими клочками проплывали тонкие облака. Холодный воздух казался прозрачным как стекло, но все же в нем неведомо откуда веяло весной. Первое, робкое, едва ощутимое дыхание.

Атум неторопливо шел по улице, поглядывая по сторонам.

За стеклами многочисленных кафе, словно на ярко освещенных витринах, сидели люди. Ели, пили кофе, разговаривали. С вновь вернувшимся любопытством Основатель рассматривал их – таких похожих на него и абсолютно чужих. Существа, созданные им, были гораздо ближе и понятнее, чем эти...

Он прислонился к столбику остановки, глядя на прохожих и машины, проносящиеся по шоссе.

Единственный, кто был нужен ему во всем этом диком, заснеженном городе, – клан Кадаверциан. Его следовало тщательно оберегать, отсекав лишних – тех, кто пытался заполучить поддержку некромантов, их участие, защиту... Всех, кто скрывал от него правду и выдавал желаемое за истину.

– Я бы мог вернуть вам потерянную магию, – произнес Атум тихо, обращаясь к пустоте, заполненной холодом, движением безликих людей и гудками автомобилей. – Но примете ли вы ее?..

Он испытывал чувство, похожее на голод, – всё усиливающееся желание считать этот клан своим. Принадлежащим себе.

«Мне нужна помощь, – думал он. – Не бездумное, слепое поклонение, а дружеская, надежная поддержка. Впрочем, стоит ли рассчитывать на это сейчас...»

Кланы сломаны, разъединены, одурачены. Одни превратились в беспомощных марионеток гин-чи-най, другие – их верные слуги. Есть от чего прийти в ярость. В первых обращенных людей было вложено стремление держаться как можно дальше друг от друга, чтобы не возникло случайной вражды, столкновения интересов, непонимания. А их заставили сражаться. Тратить силы на бессмысленные войны. И теперь ему придется играть на чужом поле... на этом разъединении...

Я слышал его размышления, понимая – единственное, что я могу делать сейчас, – собирать информацию и ждать. Сопротивляться его воле бесполезно, но рано или поздно мне должен представиться шанс...

В глупой суете, происходящей вокруг, Основатель вдруг почувствовал яркий знакомый всплеск. К тротуару подкатил черный лимузин, остановился, разбрызгивая свет, оседающий на его полированных боках. Задняя дверца приглашающе распахнулась. В глубине салона темнел неподвижный женский силуэт.

Фелиция.

Одна.

Он быстро подошел к машине. Сел рядом с мормоликаей и, прежде чем она успела что-то сказать, склонился над ее рукой, лежащей в облаке темных мехов, прижался губами к ледяным пальцам. Леди дрогнула внутренне. Надлом, который я продолжал чувствовать в ее душе, стал еще глубже. Она винила себя в том, что произошло... могло произойти со мной и страстно желала, наконец, узнать правду.

Основатель медленно выпрямился. Фелиция пристально, не отрываясь, смотрела в его лицо, пытаясь найти в нем чужую, враждебную, опасную тень. Не находила, но ее тревога отчего-то усиливалась все больше.

– Вы приехали одна, – сказал он, не выпуская ее ладони, взглянул в сторону водителя и добавил: – Себастьян не в счет.

– Ты почувствовал бы угрозу и не подошел, – ответила Леди с легкой улыбкой, хотя в ее душе продолжала разливаться непонятная мне боль.

– Вы перестали закрывать от меня свои чувства.

– Нет. Просто ты стал *читать* глубже.

Она замолчала, деликатно освобождая руку, отвела взгляд в сторону, а потом произнесла холодным тоном, который, как и ее улыбка, не мог обмануть Основателя:

– Ты получил силу Рамона, ведь так?

– Я вернул Рамону силу, – уточнил Атум, с удовольствием глядя на ее точеный античный профиль в обрамлении теплых, мягких завитков волос. – Спас его от мести гин-чи-най, а тебя от тягостного выбора кем пожертвовать: близким другом или любимым учеником. Ты ведь любила Дарэла, а он, глупец, не мог не только понять, но даже почувствовать этого. В отличие от меня. Впрочем, ты и сама осознала это, только когда начала терять его.

Фелиция посмотрела на собеседника широко распахнутыми прекрасными глазами, наполненными сиянием Эгейского моря и отчаянием.

– Мне очень жаль, – сказал Атум со всей возможной искренностью. – Но моя сила неуправляема. Он не смог бороться с ней.

– Что стало с Дарэлом? – спросила леди тихо.

– Его личность слилась с моей. Не уничтожена, – возразил он на ее невысказанный, тревожный вопрос. – Сознание Дарэла наполнено моей памятью, а мое – его воспоминаниями. Я – это он, в какой-то мере. Его чувства – мои. Но я – не хочу скрывать этого – сильнее, опытнее. И гораздо старше.

Фелиция на мгновение прикрыла глаза и произнесла громко – так, чтобы слышал водитель:

– Себастьян, мы можем ехать.

Машина легко тронулась с места. Яркий свет с улицы пополз по салону, заливая его разноцветными огнями. В глубине зрачков Леди дрожали отблески далекой магии, но она понимала, что нет смысла призывать ее. Дипломатия в некоторых случаях сильнее волшебства. Бессмысленно защищаться от собеседника, который не намеревается нападать и смотрит столь проникновенно.

– Ты не убила Дарэла, когда он начал собирать силу кланов. А меня уничтожить теперь невозможно.

Фелиция знала это. И, как ни странно, в какой-то миг кроме тоски по потерянному, как она думала, ученику почувствовала почти облегчение от того, что ей не придется больше убивать своих друзей. Всех тех, кто становился опасен для ее потусторонних наблюдателей.

– Кто еще знает о том, что... вы...

Он снова взял ее за руку и мягко поправил:

– Не надо обращаться ко мне столь официально.

– ...о том, что Основатель возродился?

– Никто, кроме тебя, Фелиция.

Недоверие в ее взгляде на мгновение стало глубоким, почти осязаемым. Чувства снова затянуло корочкой прежнего льда.

Мормолика молчала. Ее практичный ум заглушил, наконец, эмоции. Леди была не настолько наивна, чтобы принимать на веру каждое слово, произнесенное им. Да и внешность Дарэла не могла служить для Атума мгновенным гарантированным пропуском к ее полному доверию.

– Вас всех обманывали, – пояснил он, стараясь придерживаться прежнего доверительного тона. – Веками. Тысячелетиями. Безумная злобная тварь придет из тьмы и уничтожит весь мир. Так говорили обо мне?

– Да. Но чего же вы... ты хочешь на самом деле?

Он подался вперед, сжал ее ладони, улыбнулся и ощутил, как сильно забилося сердце Фелиции. Она опять увидела своего прежнего Дарэла.

– Чего я хочу на самом деле? Снова стать твоим телепатом. Вернуться в клан.

Смятение окатило ее с ног до головы, словно ледяной водой. Мормолика была ошеломлена подобным ответом. Она ожидала чего угодно, только не такого признания.

– Я не вижу смысла...

– Я уже говорил, – перебил ее Атум. – Произошло перерождение. Мои желания – отражения желаний Дарэла. В какой-то мере это выгодно для вас, Первая леди. Для всего клана Даханавар. Получить сильного и полностью надежного союзника мечтают все семьи. А я предлагаю тебе не просто кратковременные услуги телепата.

Он пристально смотрел на Леди, смеясь про себя над ее волнением. А также над ее мысленными попытками найти достойный дипломатичный ответ.

– Да, не скрою, это очень выгодное предложение.

– Совета больше нет, – продолжил Основатель участливо. – Каждый клан волен решать, что ему делать без подсказок и нравоучений. Почему в это трудное время ты не можешь вернуть полезного всей семье сканэра?

– Для Кристофа, Рамона, а также лигаментиа и, я полагаю, нософорос, ты перестал быть простым телепатом.

Она сама не замечала, как начинает защищать его. Искать пути отступления.

– У них есть всего лишь предположения и догадки, – улыбнулся Атум. – Никто не знает, что произошло с Дарэлом на самом деле. Что, если дух Основателя по-прежнему остался в Вивиане, а сила, которую пытался собрать телепат, не смогла сохраниться в нем?

– Но гин-чи-най ты не сможешь обмануть.

Он рассмеялся:

– Что они такое теперь? Всего лишь тени. С моим появлением они перестанут управлять вами. И не смогут больше заставлять тебя лгать и убивать своих друзей...

Фелиция прекрасно понимала, как рискованно не только принимать помощь существа, об опасности которого ее предупреждали, но и просто общаться с ним. Однако не могла не поддаваться его обаянию. Собеседник соединял пылкую откровенность даханавар, чары фэриартос, некроочарование кадаверциан, загадочность нософорос, налет легкого цинизма нахтцеррет. Все то, что Основатель сам вложил в собственных созданий. И Леди, несмотря на свой ум и дальновидность, не могла противостоять этому. «Слишком молода», – рассеянно подумал Основатель, глядя на ее тонкое, сосредоточенное лицо.

– Я могу задать один личный вопрос? – спросила мормолика.

– Конечно. Любой.

– За что тебя изгнали из твоего мира?

Он не сомневался, что рано или поздно разговор зайдет и об этом.

– Если не ошибаюсь, – Атум взглянул в окно, на медленно проплывающие мимо здания, – здесь неподалеку твой любимый ресторан?

Фелиция поняла намек и попросила Себастьяна остановиться.

Зал был небольшим, уютным, со стенами из белого мрамора, каменными решетками, увитыми настоящим виноградом, между столиками. В каждом углу стояли псевдогреческие скульптуры, амфоры и колонны. С барельефов смотрели застывшие лица богов и богинь. Пахло человеческой едой, табачным дымом и теплыми телами людей.

Навстречу Фелиции устремился низенький, круглолицый господин в национальном греческом костюме. Помощник хозяина расцеловал мормолика в обе щеки, крепко пожал руку Атому и принялся шумно радоваться их появлению. Леди отвечала ему не менее дружелюбно, интересовалась новостями, позволила взять себя под руку и увлечь вверх по лестнице.

Основатель шагал следом за ней, думая, получили даханавар подобную либеральность к смертным от него или приобрели самостоятельно с течением времени. И пока еще не знал, как к ней относиться.

Их проводили в небольшой отдельный кабинет, где был воссоздан маленький уголок Эллады. Светлый, просторный, наполненный воздухом и искусственным светом, очень похожим на настоящий солнечный. Стены здесь были расписаны с удивительным мастерством.

Высохшие холмы, дорога, усыпанная белым камнем, круглые кроны олив, сверкающая полоса воды. Мормолика, сбросив меха и оставшись в тонком, полупрозрачном хитоне, струящемся по телу мягкими складками, казалась сошедшей с одной из этих картин.

– Работа фэри? – спросил Агум, отодвигая стул, чтобы помочь Фелиции сесть. – Я как будто даже чувствую запах моря.

– Нет. Это рисовали люди.

– Надо же. Значит, это аромат твоих духов. – Он сел напротив Леди, ощущая, как она внимательно наблюдает за ним, оценивая каждое движение, по-прежнему внутренне настороженная и недоверчивая.

Появился официант, поставил на стол корзиночку с хлебом, масло, сыр и кувшин вина. Леди поблагодарила его улыбкой и обратила выжидательный взгляд на собеседника.

– Так о чем ты хотела узнать? – продолжил тот прерванную беседу. – За что меня изгнали из родного мира? Меня не изгоняли. Меня убили.

Тонкие брови Фелиции приподнялись изумленно.

– Для существ из нашего пространства ваше – убийственно. И, естественно, его предназначение – убивать. Нас. Таких, как я. Вернее, таких, каким я был прежде. – Он машинально взял кусок хлеба и принялся намазывать маслом. – Видишь ли, в чем дело. Мы – гинчи-най – бессмертны. И в отличие от вас, людей, лишены... видимо, это называется воображением, а также желания и способности творить, создавать произведения искусства, не имеющие практической пользы. То есть душевного качества, которое позволяет таким, как ты, вампирам жить веками и не знать усталости от своего существования.

Леди сидела неподвижно, не отводя от него глаз, и жадно слушала. От подобного проникновенного внимания можно было почувствовать себя польщенным.

– И так как мои сородичи из потустороннего мира лишены подобной потребности, через определенное время жизнь начинает тяготить их. А избавиться от нее они могут лишь в этом мире. Один шаг на солнце и... – Он повел рукой, наглядно демонстрируя, как развеивается сожженная плоть.

Фелиция коснулась кончиками пальцев тяжелого чеканного ожерелья, собираясь с мыслями:

– Но если ты создавал нас, передавая свою магию, то как сила фэриартос оказалась основана именно на воображении и способности творить?

– В этом все и дело, – язвительно отозвался Агум, откладывая явно несъедобный кусок хлеба и наливая вино в два бокала. – Я – это я. Единичное исключение. Опасный безумный урод. Сила фэриартос и лигаментиа – иллюзии и фантазии, сумасшедший бред. То, что мои соотечественники посчитали бредом и выбросили меня вместе с ним в эту реальность.

Основатель попробовал вино и с разочарованием отставил бокал. Вкус у этой жидкости был отвратительным.

– Но в одном они просчитались. Я не хотел умирать. Вдохновенное безумие дало мне возможность придумать, как спастись. Я разделил свою силу между людьми... ну, остальное ты знаешь.

Фелиция провела пальцами по щеке, убирая тонкий завиток, и произнесла медленно:

– Значит, тебя изгнали за то, что ты обладал силой, которой были обделены твои родственники? И они посчитали ее опасной.

– Я казался им опасным безумцем, – уточнил собеседник. – Так же, как безумны лигаментиа и в чем-то – фэриартос.

Он отодвинул бокал, придвинулся ближе к Леди и произнес доверительно:

– А еще я эгоистичен и амбициозен, подобно нахтцеррет и асиман, самонадеян, словно лугат...

Фелиция оперлась локтями о стол, в ее глазах мелькнула улыбка. Она на миг перестала видеть в нем могущественное, потустороннее существо, которого ее заставляли опасаться. Напротив сидел Дарэл... почти Дарэл, самозабвенно хвастающийся своими недостатками. Такой знакомый, такой близкий...

– Что же в тебе от даханавар?

– Ответственность и дружелюбие. – Он протянул руку и коснулся ее ладони. – А от кадаверциан – прямога.

Леди не отстранилась. Тревога исчезла из ее мыслей, и таял холод в душе. Она хотела поверить в это невозможное перевоплощение и почти поверила. Поддалась его ненавязчивой магии, а также страстному желанию жить, не думая об интересах клана и человечества хотя бы несколько часов.

– Я вернул Рамону магию, а тебе могу вернуть Дарэла. Хочешь?

Он наклонился еще ближе к мормоликае и коснулся губами ее губ. Она замерла на мгновение, а потом... ответила на поцелуй.

Атум запустил пальцы в пушистые локоны Фелиции, одновременно собирая рвущуюся нестабильную магию. Смотрел на ее опущенные ресницы и видел боковым зрением, как бесшумно раздвигается стена, создавая глубокую, сложную иллюзию просторной светлой комнаты. Ее окна были распахнуты, за ними ровно вздыхало море, ветер шевелил тонкие занавеси полога над широкой резной кроватью и перебирал лепестки цветов, разбросанные по мраморному полу.

«Слишком молода», – снова рассеянно подумал Основатель, поднимая на руки легкое, горячее женское тело.

Он переступил через порог иллюзорной комнаты, крепко прижимая к себе Фелицию. Так, как прижимал бы ее Дарэл, пылко и немного сильнее, чем нужно.

«Слишком долго была одна, изображая неприступную главу клана. Не могла найти того, кого посчитала бы достойным. Себастьян не в счет. Всего лишь верный, послушный раб».

Мормолика обнимала его в ответ, прижимаясь кудрявой головкой к плечу, и горела от наслаждения.

«А кретин Амир хотел убить ее», – с внезапным раздражением к асиману подумал Атум, опуская гречанку на постель.

Она оказалась нежной и безудержно страстной, податливой и в то же время пылкой. В какой-то миг Основатель почувствовал, что теряет голову. Он утонул в ее бурных чувствах и задышался в своих. Казалось, что иллюзорная комната взорвется, разлетится сотнями сверкающих искр... И протрезвел лишь в тот миг, когда она прошептала имя телепата, хотя Фелиция, естественно, не заметила перемены его настроения...

Потом Леди лежала, откинувшись на подушки, ветерок легко касался ее шелковых волос и скользил по обнаженной влажной коже. Она ни о чем не думала, растворяясь в глубоком блаженстве и легкой полудреме. Похоже, она была счастлива – сейчас Основатель был не слишком уверен в своих способностях сканэра.

– Фел, – произнес он тихо.

Мормолика медленно, с ленивой истомой повернула к нему голову, улыбнулась.

– Близкие друзья называют тебя Фел, – пояснил он, закрывая глаза, услышал ее тихий смех и почувствовал прикосновение губ к своему плечу...

Когда Леди уснула, он еще некоторое время смотрел на нее, размышляя о своем.

Асиман можно использовать только в качестве слепой силы, а Основатель нуждался в постоянном, надежном источнике информации. Прекрасная гречанка могла дать не только это, но и защиту, построенную не на страхе, а на глубочайшем доверии.

«Дарэл собрал силу кланов, – самодовольно подумал он, вытягиваясь на смятой постели, – а я соберу их души. Это гораздо интереснее. У меня еще есть время. Довольно много времени, прежде чем *они* почувствуют опасность, прежде чем поймут... да, время еще есть».

Он закрыл глаза, погружаясь в теплый, приятный сон, и не заметил, как очнулась часть сознания, о которой он ничего не знал. Которую, хоть и убеждал Фелицию в обратном, считал мертвой...

Глава 4

Частности дипломатии

Приготовить хороший салат и быть искусным дипломатом – дело одинаково тонкое. И в том, и в другом случае важно точно знать, сколько нужно масла, а сколько уксуса.⁵

2 марта

– Что будем делать, магистр? – Якоб все еще держался за грудь – не давала забыть о себе рана, нанесенная Основателем.

Амир закрыл дверь в кабинет и нажал на кнопку пульта, выключая телевизор.

Раньше подобный вопрос всегда задавал Эрнесто. Но второй ученик исчез. Мертв, по всей видимости. И теперь его роль приходится играть Якобу. Амир сел в кресло, посмотрел на пол, где совсем недавно лежали мертвые тела его охранников, и сказал:

– Ты выглядишь обеспокоенным.

– Да, я обеспокоен! – Ученик повысил было голос, но тут же осекся и заставил себя сбавить тон. – Если он тот, за кого себя выдает, а я уверен, что это именно так, мы все в большой опасности. В огромной!

– Быть может, наоборот? – предположил магистр, внимательно наблюдая за реакцией помощника. – Огненный клан возвысится с его помощью, и мы обретем силу воистину невероятную.

Якоб сел, машинально растирая грудь. Он уже включился в привычную игру. Опровергая доводы учителя, помогал тому с разных сторон осмысливать произошедшее.

– Я бы поверил в это, если бы Основатель поместил свой дух в первого главу клана Асиман. Но он выбрал кадаверциан, что наводит на определенные размышления...

– Он готов помочь нам избавиться от Фелиции, – продолжил Амир. – Это прямая выгода клану.

– Я могу отметить только одно – это выгодно ему самому.

– Значит, у нас с ним общие интересы.

– Что мы знаем о нем, кроме легенд и древнего пророчества о его неизбежном возрождении? А может... – Ученик нервно облизал губы, осмотрелся и, наклоняясь ближе к главе клана, шепнул: – Он на самом нижнем уровне. Крайняя секция. Ее легко заполнить водой. Затопить целиком. Пока не поздно...

– Поздно. И ты сам это понимаешь. Он обладает огромной магической силой. И способностями телепата. Надо было убивать Дарэла раньше, чем он получит магию всех кланов и оживит это... существо.

– Так что мы будем делать, магистр?

– Ждать, – веско произнес Амир. – Наблюдать. И, пока есть такая возможность, использовать его в своих интересах.

Якоб понял, что разговор закончен, и поднялся:

– Я могу быть свободен, магистр?

– Да. Возвращайся к прежним занятиям и помни – ничего не произошло!

– Как вы объясните гибель телохранителей? – Ученик посмотрел в сторону, где лежали трупы, и пояснил: – Чтобы я знал, как отвечать на вопросы.

⁵ Оскар Уайльд. Вера, или Нигилисты.

– Неосторожное обращение с высшей магией огня, – криво усмехнулся Амир, еще раз кивнул Якобу и вдруг почувствовал, будто прямо в его голове разорвался фейерверк. Вопль ярости, бешенства и нетерпения, неслышимый для окружающих, чуть не оглушил главу асиман.

– Магистр, что с вами?.. – долетел будто издали встревоженный вопрос.

Ученик склонился над магистром, но тот, отстранив его, произнес хрипло:

– Он зовет. Мы нужны ему немедленно. Оба.

– Мы теперь будем бежать по одному его слову?! – гневно прорычал помощник, но господин ар Рахал жестом заставил его замолчать. Постепенно стихающая головная боль готова была вернуться от малейшего повышения голоса.

– Кажется, ты забываешь, с кем мы имеем дело? – произнес он шепотом, вытер пот с висков и взглянул на помрачневшего ученика. – Умерь свой пыл. Немного терпения, и за несколько месяцев мы получим то, чего не могли достичь столетиями.

Якоб кивнул, с явным усилием пытаясь принять новую стратегию поведения в собственном доме, и последовал за Амиром.

Вниз вела не только центральная лестница – за алым гобеленом в кабинете скрывались металлические створки скоростного лифта.

Спустя несколько секунд асиман были уже на нижнем уровне подземного убежища.

Магистр остановился перед закрытой дверью, невольно вспоминая годы своей молодости. Тогда ему также приходилось оказывать всевозможное почтение прежнему главе клана. Терпеть, молчать, выжидать... Амир был уверен, что, став главой сам, избавится от зависимости перед кем бы то ни было навсегда. Но вот снова приходится стучать в дверь, прежде чем позволить себе открыть ее.

– Да! Входи! – послышался резкий нетерпеливый голос Дарэла.

Якоб раздраженно поморщился, но промолчал. Его также злила необходимость подчиняться «телепату», хотя от того и осталась всего лишь оболочка.

Усилием воли верховный маг подавил вспышку гнева и вошел.

В комнате была разлита магия, не имеющая никакого отношения к огню асиман. Веяло холодом – на стене противоположной двери виднелся прямоугольный силуэт, нарисованный морозом. Голубоватый иней мохнатым ковром лежал на камнях и не таял.

«След портала. Магия нософорос», – понял господин ар Рахал, но посчитал разумным оставить эту догадку при себе.

Основатель, расхаживающий из угла в угол, резко остановился при появлении посетителей и уставился на магистра тяжелым немигающим взглядом.

– Господин Амир, – произнес бывший телепат, – вы заставили себя ждать.

Он тяжело дышал, словно только что закончил выполнять тяжелую физическую работу. А также изо всех сил пытался держать себя в руках и не сорвать непонятно чем вызванную злость на асиманах. Махнул рукой, указывая на кресла. Сам сел на кушетку, толкнув по дороге вешалку с лабораторными халатами.

– У меня две просьбы, – сказал он, особо выделив последнее слово. – Первая – я хочу знать, что происходит в кланах.

Якоб пошевелился, словно почувствовав легкое неудобство. Раньше ответственность за сбор информации лежала на Эрнесто, теперь второй ученик вынужден был принять на себя и эту обязанность родственника.

– Если вам нужна общая картина... – начал он, мельком взглянув на Амира.

– Нет! – резко ответил Основатель, стремительно поднялся и направился к письменному столу, заставив обоих асиман следить за собой напряженными взглядами. – Мне нужны четкие, точные сведения о каждом клане. Количество опытных братьев, учеников, новообращенных. Способности, привычки, слабости...

– Это невозможно, – ответил за ученика Амир. – Никто из нас не знает таких тонкостей о жизни друг друга.

Гость, теперь роющийся в ящике стола, пристально посмотрел на магистра. Несомненно, читал мысли, пытаясь поймать его на лжи. Но убедился в искренности и недовольно поморщился.

– От кого ты получаешь сведения?

– Вьесчи обычно не против поделиться информацией. За определенную плату.

– Вьесчи, – с выражением величайшего отвращения повторил Основатель.

Бросил на стол пачку белых листов, проверил кончик карандаша на остроту заточки. Затем вернулся к кушетке и жестом велел Якобу занять место секретаря, а магистру рассказывать.

Это была нудная и бессмысленная, на взгляд Амира, трата времени. Основатель лежал, закинув ноги на спинку, полузакрыв глаза и явно глубоко погрузившись в собственные мысли.

Зачем ему понадобилось выслушивать долгий отчет о примерном составе кланов, когда он мог воспользоваться телепатией для получения точных знаний от первых лиц?

Если его смущал облик Дарэла – с помощью иллюзий Основатель был в состоянии создать себе любое обличье. Близкого друга, родственника, любовника, учителя... Почему он не делал этого?

Видимо, Якоб думал точно так же, со все возрастающим раздражением водил карандашом по бумаге и торопливо записывая слова учителя. Но гостя не беспокоило неудовольствие хозяев. Он продолжал релаксировать.

– Кадаверциан, – говорил Амир, глядя на спокойное лицо телепата, под которым скрывалась потусторонняя личность, – не больше десяти. Все – маги высокого уровня... И, насколько мне известно, по меньшей мере четверо из них, – магистр усмехнулся над лично придуманным определением для некромантов, – любовники Смерти. То есть прошедшие сложнейшее испытание и получившие за это особое могущество. От самой Смерти, естественно.

Основатель вздохнул, а может, зевнул, и больше никакой реакции на сарказм асимана от него не последовало.

– Даханавар, – продолжил Амир, обменявшись с Якобом быстрым взглядом, – шесть-семь десятков. Примерно поровну мужчин и женщин. Из них тринадцать, во главе с Фелицией, так называемые геспериды – обладающие очень мощным магическим потенциалом. Остальные – ученики, помощники, доверенные лица... ничего важного.

– В этом году двое новообращенных, – уточнил Якоб.

Основатель промолчал, и помощник магистра снова вернулся к записям.

– Вьесчи, – сказал Амир.

– Не интересуется, – буркнул гость.

– Нахтцеррет. Все поколение, принадлежавшее прежнему главе, Миклошу Бальзе, уничтожено, как и он сам.

– А с этого места поподробнее, пожалуйста, – не открывая глаз, велел Основатель.

– Новая глава клана – Хранья Бальза. У нее – двенадцать сторонников. Все – маги высшего уровня.

– Теперь помолчи. – Назойливый гость не поменял позу, не открыл глаз, но Амир почувствовал, как в его голову вползает нечто вроде густого тумана, медленно обволакивая разум и вытягивая мысли.

Якоб слишком сильно надавил на карандаш, и звук ломающегося грифеля отозвался в сознании верховного магистра громким треском.

Его и раньше доводили до бешенства ощущения, которые вызывало так называемое сканирование даханаварского телепата. Но теперь они показались асиману всего лишь деликат-

нейшим дуновением ветерка. Основатель словно запустил в его голове центрифугу, перемешивая все воспоминания и размышления и вытягивая нужную информацию.

– Отлично! – воскликнул вдруг чужак весело, когда эта попытка стала совершенно невыносима. – Спасибо, господа, я узнал все необходимое.

Амир прикоснулся к виску, чувствуя, как возвращается головная боль, и мысленно послал его в огненную бездну.

– И вот еще что, – дружелюбно заметил тот, не обращая внимания на злобу асимана. – Я голоден. Страшно голоден.

– Какую группу крови вы предпочитаете? – спросил Амир вежливо.

– Живую, – улыбнулся гость.

– Я приведу вам человека. – Якоб поднялся из кресла, но его остановил издевательский смех бывшего сканэра.

– Человека?! – фыркнул он. – Мне нужна женщина, асиманка. Желательно – молодая и привлекательная.

– Прошу прощения... – Ученик главы клана замялся, однако закончил твердо: – Среди асиман нет женщин.

– Великолпно! – раздраженно буркнул Основатель. – Сегодня явно не мой день. Хорошо, приведи мужчину, кого-нибудь из новообращенных.

Якоб бросил на Амира выразительный взгляд, дождался его короткого утвердительного кивка и быстро пошел к двери. Как всегда, он понял магистра без лишних слов.

Через полчаса полностью обескровленное, мертвое тело молодого асимана оказалось выброшено за дверь комнаты. Это был тот самый недовольный тяжелой работой, которого недавно заметил магистр. Господин ар Рахал предполагал, что от мальчишки не будет большой пользы, но убивать представителя клана ради еды, словно простого смертного, он не мог позволить.

– Это глупая, бессмысленная трата ресурсов! – кричал Амир в лицо довольного Основателя, забыв в ярости о его могуществе. На мгновение ненависть к Дарэлу полностью перешла на того, кто занимал теперь его место. – Если тебе нужна кровь, я могу привести самых красивых женщин! Зачем убивать моих учеников?! Это твоя благодарность за убежище и нашу помощь?!!

Гость, стоя на пороге, продолжал благодушно сыто улыбаться, равнодушно глядя на взбешенного асимана.

– За все надо платить, Амир. За мое содействие – тоже. В отличие от вас, я не могу обходиться человеческой кровью. В ней слишком мало силы и информации. Мне нужны кровные братья. А то, что я убиваю твоих учеников... – Лицо Основателя неожиданно стало жестким и злым, почти полностью исказив черты Дарэла. – Можешь быть признателен мне, магистр. Избавляя тебя от лишних воспитанников, я возвращаю в клан силу, потраченную на их создание.

Он увидел непонимание в глазах мага и нетерпеливо мотнул головой:

– Естественно, ты не знаешь этого. Изначально энергия была равномерно распределена между восемью первыми моими творениями, и каждый из них обладал огромным могуществом. Но, создавая себе подобных, они тратили силы, вырывая по куску из собственного потенциала, обделяя себя и сами того не понимая.

Основатель презрительно взглянул на мертвого асимана на полу, небрежно бросил на него красную искорку, и та быстро побежала по телу.

– Думаешь, почему кадаверциан так сильны? Потому что их мало. С гибелью каждого из них освобождалась часть изначальной энергии, возвращаясь в общий источник магии клана. – Бывший сканэр утомленно вздохнул, теряя интерес к разговору, и добавил нехотя: –

Еще, конечно, имеет значение возраст, накопленный боевой опыт, количество силы, сознательно переданной учителем... так что, Амир, отбери сразу лаборантов, которыми тебе не жаль пожертвовать, а я займусь улучшением твоего клана.

Он самодовольно улыбнулся и вернулся в свою комнату. А магистр остался стоять перед закрытой дверью, наблюдая, как тело ученика медленно рассыпается в пепел.

Глава 5

Число смерти

Стоит человеку выделиться из массы других, как у него появляются враги.⁶

2 марта

«Кто в жизни много жизней слышит, тот много раз умрет⁷»... – Лориан снова прочитал фразу и задумчиво уставился в окно. За ним шел снег, и гудел ветер. Иногда его порывы заглушал тихий голос Вэнса, льющийся из динамиков.

Подросток надел наушники, сделал музыку погромче и опять уставился в книгу. Фэри-артос не только находили смысл в подобных высказываниях. Для многих эти парадоксы были чем-то вроде логических упражнений. Крючков, на которых они укрепляли свои магические сети. Во всяком случае, так сказала Паула, вручив подростку томик Уайльда.

«Он специально создавал свои произведения таким образом, чтобы люди, читающие их, учились думать и чувствовать, как мы, клан Искусства, – говорила девушка, лукаво улыбаясь. – Конечно, это под силу не всем. Но ты попробуй, и, может быть, у тебя получится».

Тогда Паула еще «гостила» у Кристофа, спасаясь от гнева Миклоша, и у Лориана была возможность пообщаться с ней пару раз. Но не исключено, что красавица пошутила. Все фэри, как успел убедиться подросток, обожают насмеяться над людьми. В отличие от нахтцеррет и асиман. Те убивают без всяких шуток.

Звонка в дверь он не услышал, также как и голосов в прихожей. Но, когда с него внезапно стянули наушники, обернулся и увидел Дону Кадаверциан. Та выглядела спокойной и сосредоточенной, однако сквозь невозмутимость Лориан почувствовал тревогу. На плечах пальто вилиссы таял снег. Волосы тоже были мокрыми. Похоже, она пробилась сюда сквозь метель.

– Собирайся, – приказала мистрис коротко. – Ты поедешь со мной.

Он даже не успел удивиться:

– Куда? Что случилось?

– Пока ничего, – ответила девушка с тихим вздохом. – Но тебе придется пожить какое-то время в нашем клане. Кристофа сейчас нет в городе, и он просил меня позаботиться о тебе.

– А где он?

– В Праге, – вилисса взглянула на часы, – уже давно должен быть на месте.

Лориан помрачнел – значит, действительно, произошло нечто серьезное. Просто так Крис никогда бы не поехал в город, покинутый вампирами.

Подросток прыгнул со стула, вытащил из шкафа спортивную сумку и стал, не глядя, швырять в нее вещи.

– Это надолго?

– Надеюсь, что нет, – ответила Дона, наблюдая за его торопливыми сборами.

На пороге появилась растерянная мачеха. Хотела что-то сказать, но не решилась. Судя по ее отсутствующему взгляду, вилисса не стала тратить время на долгую беседу и просто-напросто «заморочила» ей голову.

Кроме одежды Лориан уложил в сумку несколько дисков Вэнса, плеер, зарядное устройство, пару книг и с трудом застегнул молнию.

– Все, я готов.

⁶ Оскар Уайльд. Портрет Дориана Грея.

⁷ Оскар Уайльд. Баллада Редингской тюрьмы.

Дона кивнула и пошла к выходу.

– Я уеду на какое-то время... на каникулы с классом, – сообщил подросток, не слишком заботясь, насколько правдоподобно звучит его заявление. Но, судя по растерянному виду женщины, сейчас она готова была принять за правду любое вранье.

Лориан натянул ботинки и добавил:

– Вы скажите отцу. Пусть не волнуется. Я буду звонить.

Взял сумку и вышел из квартиры следом за вилиссой.

Лифт по-прежнему не работал.

Дона спускалась первой, и, глядя сверху на ее серебряные волосы, подросток думал, что отчего-то не радуется внезапно обретенной свободе.

– Это все из-за распада Совета? – спросил он, вешая тяжелую сумку на плечо.

– Да, – ответила девушка после длительной паузы и добавила: – Из-за этого тоже. Ты, случайно, не знаешь, где сейчас Дарэл?

– Нет. Мы не общались последние пару недель. Он сказал, у него какие-то важные дела, и обещал позвонить, когда освободится. А что?

Девушка неопределенно повела плечом и ничего не ответила.

За рулем «инфинити» сидел уже знакомый Лориану Шед. Второй по силе бетайлас после Босхета. Он выбрался из машины и распахнул перед хозяйкой дверцу. Ухмыльнулся, увидев постоянного человеческого гостя кадаверциан, протянул руку.

Подросток хлопнул его по ладони, обтянутой кожаной перчаткой, и забрался на заднее сиденье.

– Мы едем в дом Кристофа?

– Нет. В особняк Вольфгера. – Дона оглянулась, пристально посмотрела в заднее окно, но, видимо, не заметила ничего подозрительного.

Машина тронулась с места с такой скоростью, что Лориана вдавило в сиденье, и, распутивая поздних прохожих, понеслась в сторону проспекта.

Через несколько часов он сидел на столе в холле жилища прежнего мэтра кадаверциан, честно стараясь никому не мешать. Мастера Смерти пытались привести особняк хотя бы в относительно жилой вид. Зрелище не для слабонервных. Для черных работ были созданы вилахи, которые сейчас хозяйничали на нижних этажах, и подросток решил туда пока не соваться.

Наверху некроманты восстанавливали охранные заклинания... То есть должны были восстанавливать, но, по мнению Лориана, Филипп и Адриан явно валяли дурака. Обмениваясь малопонятными шутками, они перебрасывали друг другу тускло мерцающий комок тумана. Тот носился по воздуху с угрожающим свистом, и у гостя волосы вставали дыбом, когда он пролетал мимо.

Игра продолжалась до тех пор, пока в вестибюле не появилась Ада.

– С ума сошли?! – воскликнула она, увидев забаву колдунов. – Заклинание «Яблоко Пандоры»! Рядом с человеком! Уберите это немедленно!

Переглядываясь и посмеиваясь, некроманты развеяли туманный «мяч» и разошлись в разные концы холла, возвращаясь к прерванной работе. Стигнесса некоторое время наблюдала, как они обновляют заклятия на дверях и окнах. Затем с милой улыбкой повернулась к гостю:

– Лориан, если тебе нечем заняться, я могу дать задание.

– Ни в коем случае! – с притворной серьезностью отозвался Адриан, швырнув на стекло клубок тонких, едва видимых зеленых нитей. – Неужели не видишь? Он занят.

– Чем же? – Ада удивленно воззрилась на слегка покрасневшего Лориана.

– Ведет расследование, – заговорщицки понизив голос, Филипп кивнул на толстый блокнот в руках человеческого гостя.

– Страшное дело, – подтвердил Адриан, морща от смеха и без того уродливую физиономию. – Весь ночной мир трепещет перед уликами, которые он собрал и намеревается представить в скором времени. И если ты, Аделина, скрываешь свою причастность к нападению на Рамона Вьесчи, Миклоша Тхорнисха или Александра Фэриартоса, лучше бы тебе признаться в этом немедленно.

И оба захохотали, довольные своим чувством юмора. Стигнесса слегка улыбнулась, а Лориан мысленно обозвал некромантов дураками и снова уткнулся в блокнот. Насмешки кадаверциан не могли заставить его отказаться от увлекательного занятия – делать собственные выводы обо всем случившемся в последнее время и записывать кое-какие мысли.

– Что там у вас? – послышался сверху голос Анри. Он стоял на узком балкончике, опоясывающем изнутри стеклянный купол свода, нетерпеливо покачивая концом длинной цепи.

– Готово. – Филипп махнул рукой, выходя на середину холла.

– Спускаю.

Лориан запрокинул голову. Тринадцать полотнищ развернулись в воздухе с торжественной неспешностью. Эмблемы кланов вспыхнули на мгновение золотом, отбрасывая во все стороны яркие лучи. Серебряные отсветы флагов легли на простенки между окнами, отразились в зеркальном полу. И сразу захотелось сделать что-нибудь в знак уважения перед древними символами. Слезть со стола хотя бы. Что подросток и сделал поспешно.

– Ого! – воскликнул вдруг Анри, глядя с балкона на улицу. – Кого я вижу?! Если глаза меня не обманывают, к нашему дому приближается Франциск.

– Не может быть! – Филипп торопливо направился к окну.

– Провалиться мне! – Адриан присоединился к другу, присаживаясь на подоконник. – Точно. Он. Ты ему сообщал, Фил?

– Каким образом? Телефона у него нет, интернета, как ты понимаешь, тем более. Можно было, конечно, встать на одной из сторон пролива и пытаться докричаться до его острова.

– А кто он такой? – спросил Лориан, глядя из-за плеч некромантов на приближающуюся высокую фигуру.

Те обменялись быстрыми взглядами.

– Теоретик клана. Очень могущественный колдун, – нехотя ответил Филипп.

– Такой же, как Кристоф?

– Кристоф – практик, – сказал Анри, спустившись в холл. – Он умеет великолепно применять самые мощные заклинания. А этот господин создает их. Решай сам, кто сильнее.

Мастера Смерти замолчали и отошли от окна, встав на значительном расстоянии от двери. Образовав полукруг, они как-то незаметно оттеснили Лориана за свои спины, и ему показалось, что они слегка побаиваются неожиданно приехавшего родственника.

Дверь открылась, в вестибюль медленно вошел путник в дорожном плаще. В полном молчании он сделал несколько шагов вперед и откинул капюшон. Открывшееся лицо было худым, со впавшими щеками, горбатым римским носом и бескровными сурово сжатыми губами. Редкие седые волосы падали на непомерно высокий лоб. Под кустистыми бровями сверкали черные глаза. «Схимник, – невольно подумал Лориан. – Нет, скорее – глава тайного ордена».

Кадаверциан скользнул взглядом поверх голов встречающих. Казалось, он не замечает их или не дает себе труда заметить.

– Франциск? – прозвучал за спинами некромантов голос Доны. И все трое сразу как будто расслабились, вздохнули свободнее. – Мы ждали тебя на следующей неделе.

Лучась доброжелательностью и радостью, вилисса шла навстречу таинственному родственнику.

– Я удивлен, корабли стали ходить быстрее, – произнес гость низким, раскатистым голосом.

– Чем четыреста лет назад, – едва слышно прошептал Адриан рядом с Лорианом.

– Рада видеть тебя. – Дона протянула гостю руку, и тот после нескольких секунд колебаний пожал ее. – Твои комнаты еще не готовы, но...

– Удали оттуда всех, – приказал Франциск ледяным тоном. – И проследи, чтобы меня не беспокоили.

Он повернулся к выходу, сделал кому-то знак войти, и в холл ввалились четыре вилаха. Двое сгибались под тяжестью деревянного сундука, окованного железом. Еще один нес клетку, закрытую темной тканью. В ней кто-то явственно шебуршился. Последний тащил длинный продолговатый ящик.

Дона невозмутимо пронаблюдала за появлением слуг Франциска. А тот, по-прежнему ни на кого не глядя, направился к лестнице, шагая так прямо, будто к его спине была привязана доска. На самой верхней ступени он остановился и заявил:

– Здесь человек.

– Это воспитанник Кристофа. – Вилисса взглянула через плечо на подростка, ободряюще улыбнулась ему и стала спускаться следом за грозным теоретиком клана.

– Где он сам? – послышался снизу голос Франциска.

– Возникло неотложное дело, но мэтр скоро будет.

Как только их шаги и шарканье вилахов стихли, оставшиеся в холле заговорили, перебывая друг друга:

– Видели, притащил с собой свой гроб.

– Он с ним никогда не расстается.

– Какого дьявола ему понадобились крысы?

– Я слышал, он не пьет человеческую кровь. Говорит, она замутняет сознание.

– А почему он притворялся, что не видит нас? – вмешался Лориан.

– Потому что он нас не видит, – проворчал Филипп. – Слеп как крот уже давно.

– Солнце, – пояснил Адриан, забавляясь удивлением подростка. – Кто-то из лудэр постарался. Его спас Вольфгер. Плоть и глаза регенерировали, но зрительные нервы так и остались повреждены.

– Как же он...

– Обозревает окружающее пространство с помощью магии. Это не слишком надежно, но все же лучше, чем ничего, – сказал Анри, ногой отодвигая от стены пустой вазон из-под роз.

– Но почему он с вами не разговаривал?

– Видишь ли, друг мой. – Адриан небрежно взял Лориана за плечо и повел к столу, чтобы освободить место для Филиппа, снова занявшегося восстановлением охранной магии. – Франциск очень стар. Старше нас всех. Многие из заклинаний, которыми пользуются кадаверциан, создал он. Говорят даже, первого Тёмного Охотника приручил он. Этот старик – что-то вроде легенды. А если живая легенда начнет болтать с тобой о погоде и неполадках с пищеварением, она потеряет все свое величие. Понимаешь, о чем я?

Лориан кивнул и снова уселся на стол.

Через час прибыла еще одна живая легенда клана Смерти.

Это был тип с внешностью головореза, больше похожий на беглого каторжника, чем на кадаверциана. Он небрежно бросил на колени подростку тяжелый саквояж, приказал:

– Эй, малец, присмотри за моими вещами, пока я поздороваюсь с родственниками. – И удалился вниз по лестнице, где его приветствовал восторженный вопль Кэтрин.

– Адриан, – Лориан окликнул кадаверциана, внимательно осматривающего простенки между окнами, – а кто будет еще?

– Еще?! – рассмеялся тот. – Это все живущие ныне мастерские Смерти, друг мой.

– Как все?! Вас только... десять?

Похоже, кадаверциана позабавило его изумление и недоверие.

– Не так уж мало. И, заметь, наше количество весьма символично. Десять – число гармонии.

– Остальные... погибли?

– Да. В разные времена.

Кажется, Адриан был не против продолжить эту тему, но его окликнули снизу, требуя спуститься, и подросток задумчиво взглянул на гербы. Он всегда знал, что некромантов немного, однако даже предположить не мог, что настолько... Хотя сами они, похоже, не слишком расстраивались по этому поводу.

Его размышления прервал звонок мобильного. Номер, высветившийся на экране, был незнаком.

– Алло...

– Лориан, – прозвучал сквозь шелест помех приглушенный голос Дарэла. – Ничего не говори, просто слушай. У меня проблемы.

На лестнице появилась Дона. Она мельком взглянула на подростка и подошла к окну, изучая заклинания, наложенные на стекла, – но ему показалось, что на самом деле больше ее интересует разговор по телефону.

– Мне будет нужна твоя помощь. Не сейчас, не сегодня, но ты можешь обещать, что поможешь мне?

– Да, конечно, – тут же ответил человек.

С Дарэлом явно что-то было не так. Казалось, он задыхался от быстрого бега или все еще бежал.

– Никому не рассказывай, что я звонил. Ни Кристофу, ни Доне. Потом все тебе объясню. Ты понял?

– Да. Только...

– Я перезвоню.

Голос в трубке смолк, вместо него зазвучали короткие гудки. Лориан озадаченно посмотрел на телефон, еще не зная, следует ли уже начинать беспокоиться за Дарэла всерьез.

– Кто звонил? – беззаботно спросила Дона.

– Виттория, – легко соврал подросток, – у нее все нормально. Больше ничего сказать не успела. Ее мать отобрала сотовый. Похоже, ей не разрешают общаться ни с кем из Столицы. Объяснение вполне устроило вилиссу. Кадаверциан доверяли ему.

– Слушай, Дона. Я могу выходить из дома?

– Пока лучше не стоит. Но это не надолго, – улыбнулась она. – Обещаю.

Лориан пристально посмотрел на мистрис. За ее беспечным тоном и улыбкой чувствовалась тщательно скрытая тревога. И не только за Кристофа, который отправился в Прагу. Нечто более серьезное...

– Дона, ты можешь сказать мне, что происходит?

Вилисса вздохнула, подошла, присела рядом с ним на стол.

– Тебе больше нельзя общаться с Дарэлом. Он опасен.

– Ерунда! – не очень-то почтительно воскликнул Лориан. – Как Дарэл может быть опасен?!

Дона не рассердилась на его неуважительный тон, даже как будто не заметила. Напряженно покусывая нижнюю губу, она пыталась облечь в слова свое беспокойство:

– Прежнего телепата – Дарэла, каким ты его помнишь, больше не существует...

Приоткрыв от изумления рот, Лориан слушал невероятнейший рассказ Доны о внезапном пробуждении чужой враждебной сущности и понимал, что поверить в эту историю будет трудновато.

– Знаешь, – решительно сказал он, когда вилисса замолчала, – я не верю, что Дар погиб. Если все, действительно, так, как ты говоришь, Кристоф должен помочь ему. Ведь тот считывал Вивиана по просьбе мастера Смерти. Значит, это его вина.

– Боюсь, что Кристоф думает точно так же, – тихо ответила Дона, глядя в темноту за окнами. Помолчала и добавила: – Кроме того, он хочет защитить тебя.

– От кого?

– От Основателя.

– То есть вы считаете, будто я могу быть нужен Основателю? Но зачем?

– Мы думаем, что рано или поздно он заинтересуется твоими необычными способностями.

– Какими способностями?! Я – человек, у меня нет...

– Ты – потенциальный сканэр. Такой же, как Дарэл. Если кто-нибудь из даханавар обратит тебя, ты обрешь точно такие же способности, как и у него.

Лориан медленно поднялся, ощущая странную пустоту у себя внутри. Как будто невероятная новость вытеснила из него все мысли и чувства. В синих глазах Доны отражалось сочувствие и еще что-то. Жалость, быть может...

– Вы уверены, что я... именно тот, о ком ты говоришь?

– Есть ряд признаков, по которым можно определить будущего телепата. Поверь, мы не ошибаемся.

Возможно, кто-нибудь другой был бы счастлив, узнав, какой важной персоной он стал. Но Лориан чувствовал лишь досаду и разочарование. Он всегда думал, что только его собственное желание узнать как можно больше о ночном мире Столицы связывает его с вампирами. Оказалось, все гораздо серьезнее. Он не сможет уйти, если захочет жить нормальной жизнью. Его не отпустят просто так.

– Мы опасаемся, что как только другие кланы узнают о твоей ценности, многие из них станут стремиться получить сенсора, – продолжила Дона. – И Основатель также не откажется от подобной возможности. Он захочет использовать тебя в своих целях.

– И какие у него цели? – машинально спросил Лориан, все еще оглушенный новой информацией.

– Когда-то Вольфгер рассказал мне одну древнюю легенду, – задумчиво произнесла Дона. – О том, что однажды Основатель проснется и уничтожит всех своих детей. Заберет нашу кровь, силу и души – все кусочки Витдикты, заключенные в нас. Только тогда он обретет полное могущество, к которому стремится. И уничтожит весь этот мир. – Вилисса рассеянно улыбнулась, убирая за ухо серебряный локон, упавший на щеку. – Не знаю, правда ли это или всего лишь символическое предостережение. Но я не хочу проверять достоверность этого мифа на собственном опыте.

Лориан кивнул, глядя на красивое лицо девушки, сидящей перед ним. Но Дона уже не смотрела на него. Она резко выпрямилась и повернулась в сторону входной двери... В холл вошел Кристоф.

Глава 6

Старейшина

*Правда редко бывает чистой, а уж тем более святой.*⁸

2 марта

Фелиция медленно поднималась по центральной лестнице резиденции. Себастьян, обеспокоенный ее молчанием и отрешенностью, шагал рядом, но не задавал вопросов. Ждал, когда госпожа решит заговорить сама, однако она по-прежнему как будто не замечала его.

По лестнице мимо нее спускались и поднимались ученики. Почтительно приветствовали, радостно улыбались, окликали, чтобы задать какой-нибудь вопрос. Веселые, беззаботные, молодые... Она отвечала, кивала дружески, давала деликатные советы, шутила, продолжая напряженно думать о своем.

– Доброй ночи, Леди. – Мормоликаю догнал высокий молодой человек в потертых джинсах и растянутом свитере. Зашагал рядом, стараясь приноровиться к ее шагам. – Можно мне взять книгу из вашей личной библиотеки? Вот здесь у меня написано название...

– Да, конечно, Николас. Возьми.

Леди казалось, будто ее разбили, а потом склеили заново. Внешне ничего словно бы не изменилось, но она чувствовала, что больше не сможет оставаться прежней.

Никогда она не ощущала себя слабой, беспомощной, не способной принять правильное решение. Никогда не ошибалась в противнике. Никогда никому не доверяла...

Стуча по каменным ступеням высокими каблуками, навстречу Фелиции сбегала запыхавшаяся девушка в сером велюровом костюмчике, с синей папкой под мышкой.

– Леди, я подготовила все документы по восемнадцатому веку. Отдала их Констанс, как вы просили.

– Спасибо, Мария. Очень признательна тебе за помощь.

Юная даханавар широко улыбнулась и помчалась дальше...

Фелиция была уверена, что Основатель придет к Кристофу, надеясь получить поддержку. А в ответ посулит огромную награду. Новые магические способности, знания, власть, неслыханное возвышение клана. Все то, от чего ученик Вольфгера не сможет отказаться.

Она считала слабым звеном колдуна.

Но случилось наоборот. Недопустимую слабость проявила она сама – поверила в возможность возвращения Дарэла...

– Фелиция, вы не могли бы сказать Берту лично, что его статья бездарна? Меня он не воспринимает принципиально...

– Леди, делайте со мной, что хотите, но мне не нравится этот новый закон об образовании. Может, хотя бы слегка... подкорректируем его?

– Леди, я уже говорила Стэфании, заклинания в северном крыле нужно обновить. Если вы не возражаете, мы с Карэн займемся этим сегодня...

Она была нужна всем, как всегда. И как никогда прежде желала побыть одна.

Мормолика вошла в свою любимую комнату – круглую, в теплых кофейных тонах, закрыла дверь и наконец осталась в одиночестве. Себастьян, бесшумно зажигающий лампы, ей не мешал.

Фелиция приблизилась к арфе. Тронула струны, и они отозвались нежным мелодичным звуком.

⁸ Оскар Уайльд. Как важно быть серьезным.

Прежнее невозмутимое спокойствие стремительно утекало из ее души. Вместо него появилась уверенность в неизбежности новой ошибки.

Основатель знал все ее уязвимые стороны. И умело сыграл на них. Она поверила каждому его слову.

«А может быть, дело вовсе не в его убедительности, – вдруг пришла ей в голову простая и такая страшная в своей простоте мысль. – И не в его магии? Что, если это всего лишь моя слабость? Я становлюсь мягкой, сентиментальной, доверчивой? Быть может... мое время проходит?»

Леди подошла к окну, глядя на снег, густыми влажными хлопьями падающий с неба, из тяжелых туч, нависших над городом. Сквозь эту белесую пелену желтыми размытыми пятнами пробивался свет фонарей, редкие проблески фар от машин и робкие огоньки в окнах человеческих домов.

«Погибли Вольфгер, Александр, Миклош. Их место занимают другие. Быть может, мне тоже пора уйти?.. Желание Флоры убить меня было не эгоистичным порывом властной старейшины, а первым предостережением?.. Время уходит...»

Она проснулась в иллюзорной комнате, созданной Основателем. Одна, как ей сначала показалось. Потянулась, улыбаясь, а потом вдруг почувствовала запах свежей крови. Повернула голову и вздрогнула. Рядом с ней в постели лежало мертвое человеческое тело. Остекленевшими глазами на Фелицию смотрел Константинис – владелец ее любимого ресторана. Старый знакомый, почти друг. Кровь из его разорванной шеи впилась в подушку и простыни, застыла отвратительной бурой коркой...

Фелиция тряхнула головой, прикрыла глаза, заставляя себя избавиться от тягостного видения.

Мертвое человеческое тело в ее постели было глумливой насмешкой? предупреждением? демонстрацией силы и равнодушия?.. Или безумной выходкой, не имеющей под собой никакой логики?

Фелиция подошла к стене, коснулась ладонью одного из камней, и тот послушно отъехал в сторону, открывая глубокую нишу, в которой стояло прямоугольное зеркало. Оно ничего не отражало. За гладкой блестящей поверхностью клубился серый туман. Бесформенные клубы складывались в причудливые фигуры, не имеющие смысла. Древний артефакт, доставшийся ей от учителя, – единственная возможная связь с потусторонними сущностями, которых лигаментиа называют гин-чи-най.

Обычно ответ на призыв приходил во сне. Несколько туманных образов, которые старейшина должна была расшифровать сама и принять нужное решение... Или наступал неожиданным видением. Или возникал непреодолимый предчувствием... Или не приходил вовсе.

В прошлый раз ей приказали уничтожить Дарэла. Потусторонние силы почувствовали его возрастающую опасность... Если бы он – виртуозный сканэр – ощутил угрозу сам, прочитал это в ее мыслях и мог обезопасить себя... Но ее разум был закрыт силой гин-чи-най. И сквозь эту преграду не смог пробиться никто... кроме Основателя.

Леди проколола кончик пальца острием ножа, лежащего в нише. Провела по зеркалу. Красная полоска несколько секунд была видна на нем, а потом медленно впилась в поверхность.

Спустя мгновение серый туман окрасился багрянцем. Зловещие, густые клубы вскипали кровью и были похожи на облака над жерлом вулкана.

Ответ пришел очень быстро.

Ей приказали убить телепата, а она не сделала этого. Промедлила. Не успела вовремя остановить Дарэла, начавшего собирать силу кланов. Не захотела терять его... но все равно потеряла.

Не закрывая тайника, мормолика вернулась к окну.

Гин-чи-най говорили, что Кадаверциан – любимый клан Основателя, его опора и надежная охрана. Даханавар выбрали на роль орудия, сдерживающего его возрождение.

Но за несколько часов, проведенных с ним, Леди забыла обо всем, что ей внушали веками. О его коварстве, хитрости, осторожности. Она видела только Дарэла. Слышала только его. И была счастлива оттого, что он жив.

За спиной послышались тихие шаги и голос Себастьяна:

– Леди, вам что-нибудь нужно?

– Позови Стэфанию, – ответила Фелиция, глядя на снег.

Вторая старейшина пришла через несколько минут. Мормолика увидела ее отражение в оконном стекле рядом с собой. Светлые задумчивые глаза внимательно изучали Фелицию, у внешних их уголков виднелись мелкие морщинки. Те, что рисует не возраст, а солнце, от которого в прежней человеческой жизни спартанка никогда не пряталась. Живое воплощение силы гин-чи-най. Милосердный убийца. Та, что уничтожала всех, кто смел противостоять воле высших хозяев, кто был опасен для них.

– Ты хотела меня видеть?

Вместо ответа Фелиция показала на тайник. Быстрым шагом Стэфания подошла к зеркалу, несколько секунд смотрела в красный туман, все еще клубящийся в его глубине, и спросила глухо:

– Кто?

– Я, по всей видимости, – невесело улыбнулась мормолика.

– За что?! – В голосе Второй старейшины, той, что никогда никого не боялась, послышался ужас.

Фелиция опустила в кресло у окна, где обычно любил сидеть Рамон, и сказала:

– Я была с Основателем. Я хотела быть с ним. Поверила ему. Почти обещала помощь. По счастью, одна его выходка отрезвила меня. Но, видимо, слишком поздно.

– Ну и что? – почти грубо спросила собеседница, и под ее маской невозмутимой, отрешенной Леди мелькнула прежняя спартанка, неуправляемая в боевой ярости.

Фелиция поднялась, последний раз взглянула на зеркало, закрыла тайник и вернулась на прежнее место.

– Они больше не уверены во мне. Совершив одну ошибку, я могу допустить следующую.

– За это я должна убить тебя?! – Вторая старейшина села напротив, посмотрела в окно, где, казалось, отражаются багровые отблески из зеркала. – Я, конечно, могу заблуждаться, – произнесла она тоном, который явно утверждал прямо противоположное, – но, по мне, так они ничем не отличаются друг от друга. Основатель, которого нам описывали, как злобное чудовище, или потусторонние существа, приказывающие мне убить собственную подругу.

– Так и есть, – тихо ответила мормолика. – Но мы должны как-то жить, постоянно лавируя между одним и другими.

Они помолчали. Фелиция смотрела на снег, липнущий к окну. Стэфания хмуро водила пальцем по резным завиткам подлокотника, потом спросила нехотя:

– Что с Дарэлом?

– Сначала мне казалось, он и есть Дарэл. Немного измененный. Но потом поняла – мой телепат мертв...

– Уходи, – внезапно сказала Стэфания. И Фелиции показалось, будто по силуэту подруги прошла рябь. Словно на поверхности озера, спокойствие которого нарушили, бросив в него камень.

– Что?

– Я не стану тебя убивать. Ты уйдешь. Покинешь клан. Сейчас. Немедленно. И никто не будет тебя искать.

– Ты уверена в том, что...

– Уверена ли я в том, что не хочу убивать тебя?! – зло спросила Стэфания. – Да. Твоей крови не будет на моих руках!

Несколько мгновений Фелиция смотрела в ее глаза, затем поднялась, еще раз осмотрела комнату, в которой провела столько времени, подняла шубу, небрежно брошенную на скамью.

– Флора была бы счастлива, если бы дожила до этих дней, – с раздражением произнесла Стэфания. Встала, резко отодвинув кресло.

Фелиция рассмеялась, крепко обняла подругу и, уже размыкая объятия, заметила, как глубоко в ее серых глазах мелькнули слезы.

Мормолика спускалась по боковой лестнице, ведущей к черному ходу, когда услышала за спиной торопливые шаги. Ее догонял Себастьян.

– Я иду с вами! – заявил он, и Фелиция удивилась, увидев на его красивом лице античной статуи столь решительное выражение.

– Я не думаю, что это разумное решение, – возразила она мягко, протянула руку, убирая с его нахмуренного лба завитки светлых волос.

Но он мотнул головой, отстраняясь от ее снисходительной ласки.

– Одна вы не уйдете! Меня обратили для того, чтобы я защищал и охранял вас. Так дайте же мне выполнять свою работу!

Леди сдержала улыбку, глядя на его упрямую физиономию.

– Мне приятно, что ты хочешь быть со мной. Но ты же знаешь, что должен остаться...

Себастьян ничего не ответил, и в этом молчании Фелиция услышала согласие повиноваться ее воле.

– ...Хотя бы позвольте мне убедиться, что вы будете в безопасности в новом доме.

– Ну что ж, если ты настаиваешь. Но сначала нам придется завершить одно важное дело.

Фелиция прошла сквозь арку входной двери, распахнутой Себастьяном, на ходу достав из кармана и откидывая крышку мобильного телефона...

Кадаверциан ответил после десятого звонка.

– Слушаю, – послышался в трубке его немного резковатый ответ. На заднем фоне звучали голоса, а потом вдруг ворвался абсолютно дикий нечленораздельный вой.

Себастьян с легким недоумением обернулся к Фелиции, уже сидящей на кресле рядом с водителем. Похоже, даже до него долетел этот безумный вопль.

– Доброй ночи, Кристоф, – невозмутимо произнесла гречанка.

– Одну минуту, – отозвался тот, сказал что-то неразборчивое в сторону, и тут же все посторонние звуки стихли. – Да, Фелиция?

– Мне нужно поговорить с тобой... на нейтральной территории. Это очень важно.

– Центральный ботанический сад, – произнес некромант спустя несколько секунд. – Большая оранжерея. Боковой вход.

Мормолика прекрасно знала о некоторых эксцентрических привычках кадаверциана, но не смогла сдержать иронию:

– Прекрасное место для встречи. А почему не в цирке?

– Животные взбесятся, – коротко ответил тот и положил трубку.

Себастьян завел машину.

В оранжерее было душно и влажно, чуть слышно журчала вода в нескольких бассейнах, соединенных ручейками. Пахло мокрой землей и деревом.

Невероятный контраст с заснеженным, холодным городом снаружи.

Фелиция шла по дорожке, засыпанной гравием, меж густых зарослей. Тусклый электрический свет пробивался сквозь кусты, и они бросали на землю причудливые, перепутанные тени.

В прудах, выложенных камнями, лениво шевелили плавниками огромные карпы. На высоких поилках неподвижно сидели тропические бабочки. Внешняя сторона их плотно сомкнутых крыльев была похожа на куски неровно вырезанной коры.

Леди даханавар прошла по изогнутому мостику, перекинутому через ручей, и села на чугунную скамейку возле огромного куста пушистого папоротника.

В тишине стало громче слышно журчание воды, шорох в кустах и редкие всплески рыбы в бассейне. Вдыхая чуть застоявшийся влажный воздух, Фелиция вдруг почувствовала ощущение глубокого покоя. Ей не хотелось ни двигаться, ни думать. Она не знала, сколько прошло времени, когда из состояния легкого оцепенения ее вывело ощущение приближающегося источника магии. А затем, спустя минуту мормолика увидела Кристофа и поднялась ему навстречу.

Его черные волосы были мокрыми от тающего снега.

Лицо – хладнокровно и равнодушно. Он молча поцеловал ей руку, подождал, пока она займет прежнее место, и сел рядом.

– Спасибо, что приехал.

Некромант молча кивнул, ожидая продолжения.

Фелиция заметила на рукаве его серого камзола полоску зеленой, слабо мерцающей пыли – след какого-то мощного заклинания, – но не стала обращать на это внимание колдуна.

– Я встречалась с Дарэлом, – сказала она, внимательно наблюдая за его реакцией.

Кристоф положил ногу на ногу и процитировал, глядя в потолок, ее собственные слова: – «Он доверяет тебе. Считает, что ты – единственный, кто не предал его... он придет к тебе».

– Я ошиблась, – с легкой улыбкой отозвалась мормолика и, помедлив, принялась рассказывать о недавней встрече и о причинах своего решения оставить клан.

Мастер Смерти слушал, не перебивая вопросами или уточнениями. Пристально смотрел на нее, но по его непроницаемому лицу было невозможно понять, о чем он думает на самом деле.

– Основатель опасен и, действительно, возможно, безумен, – говорила Леди. – Кроме того, его магия... сопротивляться ей очень трудно, практически невозможно. Он ничего не требует, не принуждает, но, слушая его, невольно веришь каждому слову.

– Что ему нужно? – Кристоф проследил взглядом за бабочкой, выпорхнувшей из кустов, и снова посмотрел на Фелицию.

Кадаверциан не выглядел ни огорченным гибелью друга, ни встревоженным появлением могущественной потусторонней сущности. Впрочем, ничего другого Леди и не ждала.

– Он ни о чем не просил, – ответила мормолика и добавила: – Ни о чем таком, чего не хотел бы сам Дарэл.

– Кто еще в курсе его появления в Столице?

– Не знаю. – Фелиция медленно покачала головой, а потом заговорила с взволнованным нетерпением, признаваясь в тайных мыслях, мучивших ее уже давно: – Пойми, Кристоф. Гин-чи-най, дух Основателя, истинное число кланов – всегда были запретными темами. Никто из нас не представляет, что *на самом деле* знают об этом другие. Мы разобщены, постоянно что-то скрываем друг от друга, не доверяем никому. Я не могу сообщить по телефону главам всех кланов о появлении у меня Основателя... Я бы и тебе ничего не стала говорить, если бы мне не пришлось уйти из семьи.

– Может быть, сейчас как раз пришло время рассказать правду?

– Не думаю. Понимаешь, когда я увидела его – прежде всего, я видела Дарэла, который говорил, что хочет вернуться в клан. Снова стать моим телепатом. Конечно, я не могла не представить, насколько увеличатся сила и влияние даханавар с мощью магии Основателя. И никто не будет знать, кто такой на самом деле мой сканэр. И тогда – мечтала я – когда его будет

невозможно уничтожить, мы могли бы не подчиняться приказам гин-чи-най. Мы стали бы свободны, нашли в нем защиту...

Она перевела дыхание, слепо глядя на черную воду пруда, и продолжила:

– Но если о его существовании узнают другие кланы... Что они сделают? Бросятся на поиски, чтобы предложить свои услуги? Станут бездумно выполнять его приказы, ради шанса возвыситься над всеми? Я теперь не уверена даже в тех, кто пытался уничтожить дух Основателя. Смогут ли они устоять против искушения получить невероятное могущество, власть, поклонение. Против искушения просто находиться рядом с ним и быть под его защитой. Я не знаю, что сделают нахтцеррет, если получат его силу, или асиман, или... кадаверциан, – добавила она тихо.

– Только что ты говорила о том, что не доверяешь никому. Почему тогда столь откровенна со мной?

– Ты собрал весь клан. Был в Праге, и, думаю, я знаю, зачем ты туда ездил – хотя не уверена, что Крест Основателя может стать оружием против него самого. Ты охраняешь этого мальчика, Лориана, видимо, считаешь, что он может быть чем-то полезен Основателю, и поэтому не хочешь допустить их встречи.

Фелиция замолчала, невесело улыбнулась:

– ...Но все то же самое можно совершать, стремясь помочь не своему клану и всем нам, а ему. – Леди пристально всмотрелась в глаза колдуна, изо всех сил желая передать собеседнику свою тревогу и ощущение опасности. – И, что бы ты ни думал, рано или поздно, он явится к тебе, Кристоф, и я хочу, чтобы ты знал: все его обещания – ложь... Ты пришел ко мне, когда хотел услышать правду об истории кровных братьев. Ты знал, что я не обману тебя. Мне также нужно верить хоть кому-то. Иначе все бессмысленно...

– Отлично, я оправдан, – равнодушно произнес кадаверциан. – В ком еще ты не сомневаешься?

– Быть может, только в нософорос. Они всегда были ближе других к гин-чи-най.

– И что ты предлагаешь? – саркастически осведомился собеседник. – Перебить асиман и приспешников Храньи, пока они не объединились с Основателем? Под пытками заставить нового главу фэриартос дать обещание не вставать на его сторону. Позвонить гин-чи-най, потребовать у них забрать сородича и вернуть нашего Дарэла?

Фелиция не сочла нужным ответить на насмешливые вопросы и продолжила свою мысль:

– С другой стороны – по каким-то причинам *он* до сих пор не объявил о своем появлении. Значит, ему это невыгодно.

– Или «он» по-прежнему опасается этих ваших гин-чи-най. Кстати, скажи мне, разве теперь, с появлением Основателя, их влияние на нас не прекратилось?

– Их влияние точно такое же, как и раньше. Все это время дух Основателя был в Вольфгере, а реальная сила гин-чи-най – заключена в Стэфании. Она получила ее от своей учительницы, а та – от своей. И через Вторую старейшину они по-прежнему могут с легкостью убивать кровных братьев. К счастью, Стэфания – не слепое орудие, и может сопротивляться чужой воле.

– Ясно, мы меж двух огней. – Кристоф помолчал... – Но ты понимаешь, что кланы все равно узнают о его появлении.

– Лучше пусть это произойдет позже, чем раньше, – убежденно ответила мормолика.

– Хорошо, я внял твоему предостережению. Что еще тебя беспокоит?

Фелиция вздохнула и приступила к самому сложному:

– Меня не будет с кланом... какое-то время. Поэтому я хотела просить тебя об одолжении, Кристоф. Все знают о силе кадаверциан. Если бы кто-то из них согласился побыть среди даханавар...

– А я думал, ты потребуешь охрану для себя, – усмехнулся он, наблюдая, как яркая, словно драгоценный камешек, маленькая бабочка порхает над самой поверхностью пруда.

– Себя я смогу защитить.

Мотылек на мгновение коснулся воды, тут же послышался всплеск, и насекомое исчезло в голодной пасти карпа.

– Что мы получим взамен? – резко спросил некромант.

– Чего ты хочешь?

– Право доступа на территорию лигаментиа. Оно ведь у тебя есть?

– Хорошо, – подумав минуту, согласилась она. – Ты получишь ключ.

Кристоф кивнул и сказал задумчиво:

– Дону я вам не отдам, она нужна мне самому. Кэтрин может свести с ума все психически здоровое население твоего клана. А вот Ада – то, что вам нужно.

– Я бы предпочла, чтобы это был кто-то из мастеров Смерти.

– Не привередничайте, Фелиция, – усмехнулся кадаверциан, поднимаясь. – Вы даже не представляете, какое сокровище я вам предлагаю. Ада – очень сильный маг. Кроме того, сможет ужитья не только в гнезде с райскими мухоловками, но и в норе с кобрами.

– Благодарю за сравнение, – улыбнулась мормолика.

Колдун небрежно повел рукой, словно прося ее приберечь благодарности на будущее.

Глава 7

Нахтготерин

У многих женщин есть прошлое, но у этой особы – их целая дюжина, и ни в одном не приходится сомневаться.⁹

3 марта

Что-то пошло не так. Атум чувствовал это необъяснимым, звериным чутьем. Инстинкт кричал об ошибке, которую он допустил. Когда? С кем?

Основатель слепо кружил по узкой комнате в подземелье огненного клана, наталкиваясь на мебель и задевая сбившийся край ковра.

Асиман? Нет, с ними все было в порядке. Амир жаждал власти и ради нее был готов уничтожить половину своей семьи. Якоб верно служил, не позволяя себе лишний раз открыть рот без позволения магистра. Больше никто из пироманов не знал о появлении Основателя. Фелиция...

Он остановился, глядя в пустоту. Фелиция стала для него источником приятных воспоминаний. Пока самых лучших в этом мире. Но, как он вдруг понял, именно с мормоликаей было связано его беспокойство. Атум помнил, что уснул в ее постели, а потом – очнулся в этой комнате на нижнем уровне асиманских подземелий.

Основатель с размаху сел на кушетку, запустил пальцы в волосы, пытаясь расшевелить ленивую память, теперь уже не Дарэла, а свою собственную.

«Ничего не помню, – пробормотал он, рассматривая сложный орнамент алого ковра. – Ну не убил же я ее, в конце концов. Уж это я бы точно не смог забыть».

Последняя мысль показалась ему забавной. Атум усмехнулся и вытащил из кармана телефон.

Трубку долго не снимали. Наконец, когда он уже начал терять терпение, ему ответили.

– Фелиция! – сказал Основатель, как только услышал ее спокойный мелодичный голос. –

Фел...

Она промолчала, но ему показалось, что из трубки дохнуло ледяным воздухом.

– Ты слышишь меня?

– Слышу. Что тебе нужно? – равнодушный голос, лишенный даже тени тепла.

– Я хочу увидеть тебя.

– Нам нет смысла встречаться. Не о чем разговаривать. И, прошу, не звони мне больше.

На мгновение ее мысли приоткрылись, и Атум почувствовал, услышал...

– Тебя изгнали из клана! – Он произнес это еще до того, как успел осмыслить. – Должны были убить...

Чувства Фелиции обдали его кипятком гнева и презрения, а слова прозвучали надменным холодом:

– Не смей звонить мне.

В трубке зазвучали короткие гудки. Основатель уставился на телефон, чувствуя, как вслед за искренным недоумением в нем поднимается волна злости.

Теперь она не хочет его видеть?! Не хочет с ним разговаривать! А совсем недавно едва не умирала от восторга. Была счастлива видеть живого Дарэла. В чем дело? Неужели на чувства прекрасной мормоликай так сильно повлияло изгнание?

⁹ Оскар Уайльд. Веер леди Виндермир.

Атум поднялся и начал ходить по комнате, едва не задевая за мебель. Давая Амиру обещание обезглавить клан Даханавар, он, естественно, преследовал и свои интересы.

Фелиция больше не Первая старейшина. Она разлучена с близкими, одинока. Значит, самое время прийти к нему, пожаловаться на неблагодарную семью, изгнавшую Леди, столько сделавшую для них, столько пожертвовавшую... Она должна была объединиться с Основателем... Дарэлом, своим любимым возрожденным телепатом. Но она этого не сделала. После прекрасной ночи она испытывает лишь гнев и боль.

Он попытался мысленно дотянуться до мормолика и вновь, но нестабильная сила снова взбунтовалась, не желая подчиняться.

– Фелиция не доверяет мне больше, – произнес Атум вслух, глядя на список представителей кланов, сделанный Якобом. – И теперь уже неважно почему. Она знает, кто я. Она может быть опасной...

Ему на миг вспомнились глаза Фелиции, напоминающие цветом Эгейское море, запах ее волос, вкус губ.

– Проклятье, – пробормотал Основатель, бросая сотовый на кушетку.

В чем же он ошибся?

Если Фелиция действительно ушла из-под его контроля, то бессмысленно надеяться, что она сохранит его появление в тайне. Значит, нужно действовать быстро...

Вдоль набережной дул резкий пронизывающий ветер. Он пах сыростью, бензином и мокрым камнем. Река, свободная ото льда, черная и холодная, лениво облизывала бетонные берега. В разрывах туч проглядывали куски чистого, почти весеннего неба. Свет фонарей и светящиеся окна домов отражались в воде разбитыми пятнами.

Меж тонких стволов кленов, на площадке, играли две овчарки. Их хозяйева, повыше подняв воротники курток, стояли неподалеку, помахивая поводками и оживленно беседуя. Девушка в ярком пальто катила детскую коляску.

Отдаленный ровный рокот города долетал сквозь шум ветра над рекой.

Основатель шел по пешеходной дорожке вдоль широкого газона, укрытого снегом, сам удивляясь мыслям, приходящим в голову. Он чувствовал, что сегодня неожиданно настроился на восприятие действительности совершенно особым образом – словно вдруг стал одним из фэриартос. Возможно, это произошло от злости на Фелицию. А может, сам не заметил, как прочитал мысли кого-то из клана Искусства, и теперь они прочно поселились в его голове.

В памяти, помимо прочих произведений, настойчиво всплывала картина Жана Гужона – «Нимфа Сены». Античная красавица, напоминающая мормолика, с лавровым венком на высокой прическе, мочила босые ступни в волнах.

«Интересно, – думал Основатель, – как, по представлению художников, выглядела бы нимфа этой реки сейчас? Современная красотка в элегантном деловом костюме? Или в наряде из черной обтягивающей кожи?»

Он рассмеялся своим неожиданным мыслям и увидел, как две девушки, проходящие мимо, с недоумением покосились на него.

Идиллические настроения сменились деловой сосредоточенностью.

Атум шел, перестав замечать людей, спящих вокруг. Мысли в его голове сменяли одна другую с бешеной скоростью:

«Переманить на свою сторону даханавар не удалось. Значит, нужно их устранить. Естественно, не своими руками...»

Кроме асиман нужна еще одна сила – беспринципная и легко управляемая. Для этой роли великолепно подойдет клан Нахтцеррет...»

Основатель остановился. На шоссе, идущем параллельно набережной и круто взбирающемся на мост, показался черный джип. Автомобиль неторопливо повернул и, не обращая внимания на запрещающий знак, въехал на пешеходную дорожку.

Атум неспешно направился к нему.

Чем ближе он подходил, тем легче ему было читать образы, мелькающие в голове девушки, сидящей за рулем. Воображение, подогретое фантазией фэриартос, рисовало четкие картины прошлого.

Особенно яркими они стали при виде юной хрупкой блондинки, выпорхнувшей из тяжелого джипа. Госпожа Бальза небрежно поправила шарф, повязанный поверх светлого пальто, и легкой походкой устремилась ему навстречу.

Основатель, не теряя связи с реальностью, продолжал просматривать недавние события жизни сестры Миклоша, ее мысли и чувства...

Хранья неторопливо поднималась на крыльцо «Лунной крепости». Своего нового дома. За спиной – верные последователи. Все те, кому хватило ума сделать правильный выбор, и кто не побоялся следовать ему.

Рука Альгерта как будто невзначай касается ее руки. Успокаивая, сдерживая... Но она сама спокойна и сосредоточенна. Ее никогда не захлестывали эмоции перед предстоящими убийствами.

Ученики брата даже не успели понять, что происходит. Уничтожить их было легче, чем перебить слепых, беспомощных щенков. Эти идиоты и предположить не могли, что их драгоценный непобедимый нахттотер может однажды не вернуться.

Груда мертвых тел во дворе перед особняком горела очень ярко. Ярче, чем бездарные картины Миклоша, сваленные рядом. В костер же полетели обломки скрипок и виолончелей, мольберты и нотные тетради – весь хлам, оставшийся от брата... Все это можно было уничтожить с помощью заклинаний тления, но Хранья доставляло огромное удовольствие смотреть на веселое красное пламя, пожирающее все, что осталось от прежней жизни...

Бешеная радость кипела в груди нахттотерин. Казалось, если она сейчас не закричит от восторга, то разорвется.

Глядя на отсветы пламени, все еще играющие на стенах и потолке, Хранья стояла в спальне Миклоша.

– Вы довольны? – спросил Альгерт, и в его голосе она услышала отголосок своего счастья.

– О да! – Нахттотерин засмеялась, повернулась и бросилась к нему на шею, обхватив ногами за пояс. – Да!!

Теперь все принадлежало ей... Она так долго ждала этого, так долго готовилась... но сейчас девушке казалось, будто на нее внезапно пролился золотой дождь и она ловит тяжелые, сверкающие монеты, но тут же бросает их, чтобы схватить другие...

У нее будет много крови, свежей, живой и сладкой. Столько жертв, сколько она захочет. Ученики, которых она сама выберет. И даже новый герб, если она пожелает заменить Золотых Ос на голову женщины, увитую змеями...

Хранья сидела на столе Миклоша почти голая, листая телефонную книгу, куда аккуратно были вписаны все номера телефонов кровных братьев.

– Я хочу открыть «Лунную крепость». Устроить большой прием. Бал, не менее великолепный, чем у даханавар.

Альгерт, лежащий в постели, приподнялся, опираясь на локоть, и с улыбкой смотрел на нее.

– Вряд ли это возможно. Золотые Осы никогда не были ни желанными гостями, ни тем более радушными хозяевами. Твои приглашения на бал воспримут с большим недоверием.

Хранья скорчила недовольную гримасу и столкнула со стола бронзовый письменный набор. Звук от его падения заглушил ковер. Чернила выплеснулись на ворс. Какое наслаждение было вносить хаос в тошнотворный порядок чистоплюя Миклоша.

– Это из-за параноидального идиотства моего брата! Но ничего. Я все изменю. И в этом доме тоже! Я хочу блеска, роскоши, уважения, восхищения. Хочу, чтобы нашей дружбы и расположения искали все кланы! Чтобы на нас перестали смотреть как на выродков! Разве мы этого не заслужили?!

Она прямо со стола прыгнула в постель. Альгерт рассмеялся, обнимая девушку, а она жарко зашептала ему в ухо:

– Разве я этого не заслужила?..

Хранья совершала сотни безумств, позволяющих в полной мере насладиться восторгом от победы. Выходила босиком на балкон, позволяя холоду пронизывать себя насквозь, и пила кофе, сидя на перилах. Поставила в кабинете урну с пеплом Миклоша и развлекалась долгими беседами с ним.

Единственное, что немного беспокоило ее, – ученики брата, выжившие после схватки.

И сейчас, когда она шла навстречу телепату, в ее голове начинал вырисовываться пока еще довольно смутный план. И то, что Дарэл обратился именно к ней, можно было считать первым шагом к его осуществлению...

Основателю пришлось сделать некоторое усилие над собой, чтобы вернуться к реальности, перестав читать мысли девушки.

– Доброй ночи, нахттотерин, – с широкой улыбкой сказал он, склонился и поцеловал ее руку.

– Дарэл Даханавар, – произнесла Хранья, глядя на него с одобрением.

Основатель почувствовал ее удовольствие – он обратился к ней именно так, как она хотела, чтобы ее называли всегда.

– Счастлив, что вы помните меня. – Ненавязчивым жестом он взял девушку под руку и повел вдоль набережной. – Неужели верные последователи отпустили вас одну, без охраны?

– Они знают, что иногда мне нужно побыть в одиночестве, и не набиваются в провожатые, – ответила она, внимательно рассматривая его профиль и оценивая явно не только как сканэра. – Зачем ты хотел меня видеть?

– Это вы хотели меня видеть, Хранья, – ответил он с легким смешком. – Только пока еще сами не догадываетесь об этом. Я знаю, что вы ищете недобитых учеников Миклоша. Японку и маленькую англичанку Рэйлен. Вам нужна моя помощь. Как вы помните, я телепат. И могу помочь в поисках.

Госпожа Бальза иронично подняла бровь:

– Неужели? И насколько ты хорош как телепат?

Он помолчал, пытаясь выбросить из головы образ полуобнаженной Храньи, восседающей на столе, и прочитал в ее мыслях что-нибудь более полезное.

– Ты сожгла все картины брата. Но одну оставила. С римскими легионами, выстроившимися на берегу реки за несколько часов до своего полного разгрома. Очень символично. Напоминание о возможности поражения?

– Нет. – Она улыбнулась довольно, приняв как должное его фамильярное обращение на «ты». – Предупреждение о вреде самообольщения. Собственной силой, например. Что и случилось с моим братом.

Хранья помолчала, вновь пережив несколько мгновений удовольствия от мысли о своей победе. А Основатель, на миг забыв о присутствии девушки, подумал о том, насколько сильны тхорнисхи. И как хорошо было бы сравить их с одним из враждебных кланов.

Но его отвлекла яркая мысль Храньи. Девушка отвела от спутника взгляд, чтобы посмотреть на молодого мужчину, торопливо прошедшего мимо. Однако тут же равнодушно отвернулась. Этот человек был не в ее вкусе. В прямом и переносном смысле. До Основателя долетел отголосок ее довольно кровавых желаний.

– Ты гораздо опаснее, чем можно представить. Твои друзья знают об этом? – спросил он тихо.

Хранья рассмеялась, приняв эти слова за грубую лесть. И даже получив некоторое удовольствие от нее. Но не спешила глотать крючок с наживкой из восхищения. За несколько минут общения с нахтотерин Атум прочитал ее всю, до самого доньшка лживой, коварной души. Ей нравилось притворяться, и она прекрасно разбиралась во всех видах лицемерия.

– Я привыкла к тому, что меня недооценивают. Но вернемся к делу. Как ты собираешься искать беглецов?

Он сделал вид, что ее вопрос заставил его задуматься. Остановился, повернулся к девушке, преграждая дорогу, и внимательно посмотрел в ее голубые глаза. Госпожа Бальза запрокинула голову, с легкой насмешкой глядя на него.

– Если ты отвезешь меня на место боя, я могу попытаться почувствовать, куда ведет их след.

Хранья нахмурилась, ее взгляд стал колючим, и она вдруг стала очень похожа на своего брата.

– А теперь скажи, зачем тебе помогать мне? Насколько я знаю, даханавар ненавидят нахтцеррет.

«Врожденное недоверие вырвалось, наконец, наружу, – мельком подумал Основатель, усмехнувшись мысленно. – И пока его не усыпит даже стенобитное обаяние фэриартос. Нужно еще немного времени. Пусть привыкнет ко мне...»

– С тех пор как меня изгнали из клана, некоторые приоритеты сменились. Из всех существующих сейчас семей наиболее полезным мне представляется союз с Золотыми Осами.

– Неужели? – саркастически осведомилась Хранья. Но это признание понравилось ей, оно соответствовало ее желанию наладить испорченные отношения с остальными кровными братьями.

– Ты убила Миклоша. До тебя это не удалось никому, хотя желающих было много. Я сам – в их числе.

– Видимо, мой братец всем успел насолить, – пробормотала нахтотерин и, отбросив за спину светлые волосы, с новым интересом посмотрела на «Дарэла». – Ладно, если ты найдешь беглецов, я подумаю над тем, чтобы заключить с тобой долгосрочный контракт.

С реки долетел новый порыв ветра, в нем уже чувствовался привкус дождя. Хранья поежилась было, но тут же улыбнулась, слизывая с губ первые дождевые капли. Взяла Основателя под руку и мягко заставила повернуть обратно к машине.

Атум усмехнулся мысленно. Она начала вести с ним свою собственную игру. Решила, что даханаварского телепата привлекают очаровательные, внешне хрупкие девушки, умеющие постоять за себя, но никогда не показывающие свою силу в присутствии мужчины. И пыталась соответствовать этому образу, уверенная, что теперь всегда сумеет сыграть на его слабости.

Основатель сел за руль, не спрашивая ее разрешения. Хранья, наблюдающая за ним с поощрительной улыбкой, не возражала.

Атум впервые вел машину, но умение Дарэла делало это занятие очень легким. Приятным. А ощущение скорости оказалось еще одним из захватывающих в этом мире.

Его размышления прервал настойчивый взгляд Храньи, остановившийся на его шее. Госпожа Бальза рассеянно думала о том, что никогда не пробовала даханаварской крови.

– Фэриартос вкуснее, – произнес он вслух машинально, одну за другой обгоняя машины, едущие впереди.

Сестра Миклоша рассмеялась, ничуть не смущенная тем, что ее желания раскрылись.

– Ты читаешь все мои мысли? – спросила она с оттенком легкого неудовольствия и нетерпеливого любопытства, тщательно «закрываясь». Ее ментальный щит доставил бы немало неприятных минут Дарэлу, но Основатель испытывал удовольствие, продираясь через него.

– Только самые яркие, – привычно солгал он. – И не мысли, а чувства, ощущения, желания. Перед серьезной работой я не трачу силы на пробивание чужой защиты. И, кроме того, не слишком полезно знать тайны чужих кланов. Можно лишиться головы.

– У меня очень давно не было возможности пообщаться с телепатами, – улыбнулась Хранья, успокоенная его серьезным, искренним тоном. Открыла свое окно и с наслаждением подставила лицо потоку холодного воздуха. – Тебе поступало предложение о сотрудничестве от Миклоша?

– Да. – Основатель свернул с эстакады на Кольцевую дорогу и прибавил скорости. – У него возникала такая мысль.

Хранья презрительно фыркнула в ответ, хотя про себя признала разумность попытки брата привлечь телепата на свою сторону.

Остальную часть пути до индустриального района они проехали молча.

Атум остановил машину у старого депо. Госпожа Бальза, не спеша вылезать, угрюмо смотрела на разгромленный двор и покореженные деревья. Внезапное острое сожаление перехватило ее дыхание. Как будто она потеряла часть себя...

Никогда прежде Хранья не чувствовала ничего подобного и тут же разозлилась на себя за неожиданную слабость.

– Это здесь, – сказала она, чувствуя пристальный взгляд спутника. Открыла дверцу и выпрыгнула на улицу.

Он вышел следом.

Пройдя в ворота, на которых болтались обрывки ржавой цепи, они оказались во дворе. На потрескавшемся асфальте валялись груды перекрученных рельс. Неподалеку от почерневшего тополя раскачивался на ветру уцелевший фонарь. Лежащий на боку трамвай таранился в небо выбитыми провалами окон. Остальные подробности Основатель не успел рассмотреть. Он почувствовал тонкую полосу следа, перед глазами начала вырисовываться картинка – крапивообразная японка с развевающимися черными волосами, серебряный росчерк нагинаты в ее руке...

Атум сделал еще несколько шагов вперед и тут же забыл и о Хранье с ее запоздалыми переживаниями, и о Миклоше, и даже о его выживших учениках.

Вокруг была разлита мощнейшая магия. Она до сих пор висела в воздухе, ее впитал мокрый разбитый асфальт и серые стены зданий.

– Лигаментиа... – пробормотал он, чувствуя, как его начинает трясти от ярости.

Те, кто постоянно следил за ним. Маленькие свихнувшиеся шпионы и тюремщики. Те, кто не давал ему возродиться так долго. Вольфгер искал возможность уничтожить их, но не успел. Его остановили раньше...

Нестабильная сила Основателя вдруг взбунтовалась, и он перестал чувствовать Хранью, стоящую за спиной, весь мир... как будто ослеп и оглох. Его пробрал холод, не имеющий никакого отношения к влажной сырости улицы...

Здесь не просто использовали магию. В черных тенях от зданий и деревьев таилась невидимая, застывшая угроза. Она смотрела из разбитых окон депо, пряталась за остовом трамвая, лежала за порогом, вдали от ярких полос ночного света.

– Что? – тихо спросила Хранья, то ли чувствуя неладное, то ли настороженная долгим напряженным молчанием спутника.

– Лигаментиа! – повторил Основатель и спросил резко, все еще надеясь на чудо: – Они открывали здесь выход в свой мир?

Он повернулся к девушке, и та невольно отступила назад, изумленно глядя в его лицо.

– Здесь открывалась Грань?! – рявкнул Атум, больше не играя в вежливого, обаятельного даханавара.

– Да, – ответила Хранья, уже без всякого кокетства растерянно хлопая ресницами. – Но...

– Идиотка, – прошипел он злобно, схватил девушку за плечо и поволок к машине.

– Дарэл! – воскликнула та, пытаясь вырваться. – Что ты себе позволяешь?!

Основатель почувствовал отголосок магии тления, за клубившийся вокруг взбешенной нахттотерин, но не обратил на это внимания.

Его уже почувствовали.

Густая тень, лежащая за открытой створкой ворот, зашевелилась, меняя форму, и повернулась в сторону двух кровных братьев, нарушивших ее покой.

– Морок, – тихо сказала Хранья, больше не чувствуя боли в руке, которую продолжал сжимать Атум.

Существо открыло глаза и бросилось вперед. Основателю показалось, что время застыло. Воздух стал вязким и густым. Вскрик сестры Миклоша разбился на множество звенящих, разорванных звуков. Тварь, летящая на них, менялась каждую секунду. Принимая самые дикие образы, которые могут породить лишь кошмарные сновидения или фантазии полоумного художника. Кадаверцианское умертвие, гарпия, феникс...

Хранья швырнула мощнейшее заклинание магии нахтцеррет, но то пролетело сквозь существо и уничтожило часть стены. А к девушке вдруг метнулась новая тень, выползшая из-за груды ржавого железа. Сгусток тьмы бросился ей под ноги, нахттотерин вскрикнула, неловко взмахнула руками и провалилась по пояс в асфальт, ставший вдруг жидким, словно болотная жижа. Хранья пыталась выбраться, но только глубже погружалась в черную грязь.

Основатель закрылся даханаварским «Отражением» и ударил по твари, летящей на него, единственной магией, действующей на создание, выбравшееся из кошмаров лигаментиа. Тонким искажением фэриартос. В реальности это выглядело так, словно густые тени, разрозненными обрывками лежащие на земле, слились вместе, поднялись в воздух высокой приливной волной, захлестнули тварь и растворили ее в себе. Ненадолго.

Но пока та барахталась в угольном сиропе, пытаясь выбиться на поверхность, Атум подбежал к Хранье, схватил ее за плечо, рывком выдернул из топи и потащил за собой к машине.

А из окон здания депо уже текла блестящая черная жидкость, вскипающая самыми невероятными формами. Многоголовыми ящерицами с туловищами сороконожек, змеями, похожими на плоские ленты, оскаленными безглазыми мордами и прочей дрянью, рассматривать которую у Основателя не было желания.

Обрывки цепи на воротах попытались было превратиться в двух зубастых угрей. Но проглотили заклинание, которое Хранья бросила в них, и рассыпались мелкой бурой пылью.

Распахнув дверцу машины, Основатель швырнул девушку на переднее сиденье, кажется при этом она ударила лицом о приборную доску, сел за руль и, уже заводя мотор, увидел, как тени во дворе превращаются в высокую фигуру в плаще, с капюшоном, надвинутым на лицо...

Атум гнал машину прочь от опасного места, чувствуя, как мир вокруг становится красным от его ярости.

Госпожа Бальза говорила что-то. Требовала объяснений и возмущалась его странным поведением.

Основатель понял – если она не заткнется немедленно, он оторвет ей голову. Он пристально посмотрел на девушку, и Хранья вдруг замолчала. Лицо ее побелело, глаза расширились, нахттотерин сжала виски, чувствуя, как в ее мозг вонзается даханаварская сила. Острая и парализующая. Из носа потекла струйка крови...

Только почувствовав этот запах, Основатель немного пришел в себя и «отпустил» ее. Хранья откинулась на спинку кресла, часто дыша и не в силах не то что магически ответить на его нападение, неспособная даже связно мыслить.

– Когда лигаментиа убивали учеников Миклоша, – заговорил он, глядя на дорогу, – они вывернули этот мир наизнанку, открывая вход в свой собственный. Вот сюда и напоззло всякой дряни, порожденной их Гранью. Тебе надо было бы знать это.

Хранья сидела, запрокинув голову и шмыгая носом. Из уголка рта все еще сочилась кровь. На щеке виднелся след от ладони, хотя Атум не помнил, когда ударил ее. Она была растеряна, оглушена, оскорблена, злилась и недоумевала. Она даже предположить не могла, что Дарэл окажется настолько силен, не понимала, почему не смогла сопротивляться его магии и почему не может ответить на нее сейчас.

Основатель взглянул на девушку и, наконец, почувствовал нечто вроде сожаления. Хранья искренне страдала от своего бессилия.

Он остановил машину у тротуара, напротив какого-то развлекательного центра. Повернулся к спутнице, сжал ее лицо обеими руками и поцеловал в разбитые губы, с удовольствием слизывая с них теплую кровь. Она не отстранилась, хотя у нее возникло мгновенное желание ударить мерзкого телепата «Волной Танатоса», а еще лучше – впиться в шею побольнее.

– Ну, извини, – сказал он, не выпуская ее. – Я погорячился.

– Не думала, что даханавар могут быть такими психами, – ответила она, криво улыбаясь.

– Я – сканэр. Зеркало. Отражаю то, что чувствую. Жестокость нахтцеррет, безумие лигаментиа...

Хранья помолчала. Затаила злобу, пообещала себе, что накажет даханавара после. Она всегда отступала перед более сильным противником, кем бы он ни был, пытаясь найти способ победить его хитростью. А пока решила разыгрывать признательность за то, что он вытащил ее из коварной ловушки.

– Я даже не предполагала, что мы наткнемся на такое.

– Рано или поздно тени рассеются. Но пока появляться в том месте, где открывалась Грань, очень опасно.

– Но ты почувствовал след беглецов?

– Нет, – легко соврал он, – как ты помнишь, я был немного занят.

– Очень жаль...

Быстрый шепот Храньи касался его лица жаркими, бесплотными поцелуями. На Основателя снова нашло телепатическое отупение, но в голубых глазах девушки плясали такие яркие огоньки, что можно было не стараться читать ее чувства. Бессильная ярость, скрытая под сладчайшим лицемерным восхищением.

– Не думала, что ты настолько сильный маг. Я и не знала, что в арсенале даханавар есть подобные заклинания.

Значит, ему удалось скрыть магию фэриартос, которую он пытался применить за даханаварским щитом. Так же как он сумел не показать ей, что уловил след учеников Миклоша.

– Я импровизировал.

Хранья рассмеялась, освободилась из рук Атума и снова уверенно потянулась к его губам. Но он запустил пальцы в светлые волосы девушки, резко запрокинул ее голову и с наслаждением запустил клыки в горло. Вкус нахтцеррет, в отличие от асиман, был более резким, но силы и магии в крови Храньи оказалось очень много.

Она резко вздохнула от боли, а затем от накотившего наслаждения – притворного или настоящего, Основателю было все равно. Чем больше ей приходилось притворяться, тем больше ему это нравилось.

Не спеша, Атум оторвался от шеи Храньи, еще раз окинул взглядом девушку, слегка оглушенную его «поцелуем». Посмотрел на стройную, изящную фигуру, светлые волосы, тонкие черты лица, затуманенные голубые глаза...

Ее можно было бы затащить на заднее сиденье машины и развлечься еще немного, поиздевавшись над ее самолюбием. Но он вдруг почувствовал глубочайшую усталость. Все было бы великолепно, если бы Хранья не была так похожа на Миклоша. Атум с раздражением подумал, что получил в наследство от Дарэла сильнейшее отвращение к бывшему главе клана Золотых Ос. И пока ничего сделать с этим было нельзя.

– Я отвезу вас домой, нахттотерин. – Он выпустил девушку и был готов поклясться, что увидел на ее лице легкую тень разочарования.

Глава 8

Прорицание

Хоть я и не понимаю, о чем он говорит, это может быть прорицанием...¹⁰

5 марта

Обособняк Вольфгера был залит светом. Горели фонари, ведущие к центральному подъезду. На ветвях старых лип зелеными огоньками поблескивали тонкие нити гирлянд. Порывистый ветер раскачивал их, и чудилось, будто на голые деревья опустилась целая стая светлячков.

Ярко сияли высокие окна вестибюля, бросая длинные, белые полотнища света в сад. Снег, попадавший в них, сверкал и искрился.

Но все же дом казался мертвым. Ослепительный блеск не мог заглушить темного, мрачного чувства, исходящего от этого места.

И Кристоф знал – это происходит не только оттого, что в глубине подземелий особняка скрыт древний артефакт, Крест Основателя, излучающий мощную опасную магию.

Сегодня во сне он опять видел Флору. Как и вчера, как несколько дней назад. Она пришла, окутанная облаком мороза, в ее пышные каштановые волосы набился снег, смерзлись ресницы, плечи покрывал тонкий узор инея, а слезы застывали на щеках ледяными дорожками. И колдун снова пытался согреть своим дыханием ее ледяные пальцы, проклиная себя за ее боль. Но он не мог помочь ей, а Флора молча смотрела на него, и в ее прекрасных топазовых глазах стыли кусочки льда...

Порыв ветра сбросил с ветки ближайшего дерева горсть снежной крупы, и та, искрясь в свете фонарей, посыпалась на дорогу. Кристоф проследил взглядом за полетом снежинок, пытаясь забыть на время тяжелые воспоминания, и быстро пошел по тщательно расчищенной дороге, направляясь к центральному входу. Рядом с ним торопливо шагал Босхет и, захлебываясь от восторга и наслаждения собственным физическим бытием, сообщал последние новости:

– О Дарэле больше ничего. Никто не видел и не слышал. У рыцарей ночи в «Лунной крепости» полный вертеп. Хранья поубивала всех родственничков братца и теперь празднует восшествие на трон. Дорвалась, – саркастически добавил он.

– Ты нападал на тхорнисхов потому, что чувствовал – все они будут мертвы? – спросил Кристоф.

– Да, – нехотя ответил дух-убийца. – Но тогда я не мог объяснить, в чем дело. – Он помолчал и снова вернулся к интересующим его новостям: – Госпожа Бальза ищет беглецов, выживших после драки с лигаментиа. Но не сама. Воспользовалась услугами человеческих солдат Миклоша. Самых близких ликвидировала, а остальные главного босса и не знали. Так что продолжают послушно выполнять приказы сверху.

– Откуда эта информация? – поинтересовался кадаверциан, с насмешливым интересом глядя на слугу.

– От вьесчи, – признался Босхет, поднимаясь на крыльцо и распахивая перед колдуном входную дверь. – Дело в том, мэтр, что если ко мне особо не приглядываться, то можно принять за кадаверциана. Некоторые молодые неопытные дамочки легко принимают меня за кадаверциана, – уточнил он не без удовольствия, оглядывая залитый светом пустой холл. – А с недавних пор некроманты весьма популярны в обществе. Так что... ну, вы сами знаете, как это

¹⁰ Оскар Уайльд. Саломея.

бывает – помощник помощника босса обмолвился лишним словечком с секретаршей второго заместителя. Та случайно проболталась подруге, а подруга сообщила мне. Я сделал соответствующие выводы...

– Что Рамон? – обрывая поток хвастливого словоизвержения бетайласа, спросил мастер Смерти.

– Его нет в столице, – с готовностью переключился на другую тему Босхет. – Оставил все дела на замов, забрал с собой воспитанницу и уехал. Куда – неизвестно... Кстати, нового главу клана Искусства зовут Антонис Фэриартос...

Кадаверциан и сам знал, как зовут очередного маэстро, но не стал прерывать духа-убийцу, получавшего безмерное удовольствие от роли виртуозного осведомителя.

Спускаясь по лестнице на нижние уровни, Кристоф, узнав все, что ему было нужно, уже не слишком прислушивался к бормотанию бетайласа за спиной. А потом и вовсе потерял к нему интерес – на низкой резной скамье, прислонившись затылком к стене, закрыв глаза, сидел Анри.

Он выглядел измотанным, потерявшим весь свой изысканный лоск, казалось, даже золотая вышивка его роскошного камзола потускнела. Серое лицо с ввалившимися щеками выделялось на фоне темной стены, словно кусок грязной простыни. На виске часто и напряженно билась жилка. На лбу подживала свежая глубокая царапина.

– Как она? – негромко спросил Кристоф, приближаясь к другу.

– Так же, – ответил тот, не открывая глаз. – По-прежнему не в себе. Но если раньше в периоды безумия она была тихой, послушной, отрешенной, то теперь впадает в ярость. Не знаю, как ее успокоить, не понимаю, чего хочет.

Кэтрин – бэньши, пророчица, чувствующая смерть, элегантная ироничная красавица, обожающая меха и драгоценности, погрузилась в темноту безумия. Никого не узнавала, и то заходила от крика, словно ее терзала невыносимая внутренняя боль, то часами лежала на полу без движения, но стоило приблизиться к ней – с яростью бросалась на любого. Казалось, что ее сумасшествие расплзается по всему дому, просачивается сквозь щели и отравляет всех живущих здесь.

Никогда прежде Кристоф не видел Кэтрин в таком состоянии, впрочем, как и сам ее учитель.

Босхет, которого не особенно волновало душевное состояние Анри, воспользовавшись паузой, продолжил доклад:

– Я так думаю, Дарэл нашел где-то надежное убежище и не будет высовываться какое-то время... – Он замолчал, увидев скептическое выражение на физиономии учителя бэньши, и добавил сварливо: – У меня есть кое-какие соображения по этому поводу, но если господам некромантам угодно...

– Господам некромантам угодно лишь одно, – сказал Анри, устало проводя руками по лицу, – узнать, что на самом деле произошло с телепатом и духом Основателя.

– Он возродился, – ответил бетайлас убежденно. Его как будто даже удивило, что у кадаверциан могут возникать сомнения по этому поводу.

– Откуда *ты* можешь знать?

– Чувствую, – просто ответил дух-убийца. – Мы все это чувствуем. А если бы вы оказались в нашем мире, вы бы тоже почувствовали.

Он хмуро уставился в стену, и его глаза засветились желтым.

– Все движется, меняется, беспокоится, рвется... До того как он появился, мы были свободны... Самые сильные могли прорваться через грань между пространствами и насладиться здесь своей силой. Но он запер нас, заставил служить некромантам. Мы получаем тела, возможность жить по-человечески. Иногда. Но свободу потеряли.

Кристоф встретил недоумевающий взгляд родственника, впервые слышавшего подобные откровения от послушного слуги, но ничего не сказал.

– Прошу прощения, мэтр, – пробормотал Босхет, потушив желтые огни в глазах.

Анри неожиданно приподнялся, нахмурился, склонив голову к плечу:

– Вы слышите? Стало тихо. Кэтрин кричала и стонала, не переставая, несколько часов, а теперь вдруг затихла. Я чувствую, она успокоилась.

Он с недоумением обернулся к Кристофу, а того вдруг обожгла внезапная догадка.

– Где Лориан?!

– Я его не видел, – тут же отозвался бетайлас.

– Крутился здесь пару часов назад. – Анри небрежно махнул рукой в сторону коридора, ведущего к жилым помещениям. – Ты что, думаешь...

Но колдун его уже не слышал. Едва ли не бегом он пересек закрытую галерею, остановился возле апартаментов Кэтрин и рывком распахнул дверь.

Воображение, подстегнутое тревогой, уже рисовало комнату, залитую кровью, растерзанное человеческое тело на полу и безумную бэньши, рисующую вокруг трупа одной ей понятные знаки или в ужасе от содеянного забившуюся в угол.

Но картина, увиденная им, оказалась невероятнее. Лориан, живой, хотя и бледный до зелени, с темными кругами вокруг глаз, сидел на низкой кушетке. Кэтрин, свернувшись клубочком, лежала рядом, положив голову на колени мальчишки и уткнувшись лицом в его ладонь. А тот гладил ее по спутанным волосам и тихо бормотал что-то успокаивающее.

Начиная чувствовать, как облегчение сменяется злостью, Кристоф шагнул в комнату. Анри, обогнав его, быстро подошел к ученице, молча схватил ее за плечи, поднял рывком, оттащил в сторону от человека и крепко прижал к себе. В его движениях была видна уверенная сила и спокойствие опытного дрессировщика хищников. Прекрасно знающего, как тихое животное может броситься, разъяренное одним-единственным неловким жестом.

Кэтрин вскрикнула, рванулась из рук некроманта, но тут же бессильно затихла и позволила усадить себя на кушетку. С ее лица уже скатилась уродливая тень пророческого безумия, но со лба еще не исчезли морщины, от носа к губам тянулись глубокие складки, а в волосах виднелись седые пряди.

Кристоф взял Лориана за плечо и, не обращая внимания на слабые возражения, поволок из комнаты.

– Руки покажи, – велел колдун, плотно закрывая за собой дверь.

– Что?

Мастер Смерти взял мальчишку за предплечье, вывернул и увидел на запястье именно то, что ожидал – глубокие недавно затянувшиеся царапины. Тот невольно поежился, увидев мрачный взгляд некроманта, не предвещающий ничего хорошего.

– Ты вообще соображаешь, что делаешь?

– Я просто... – Тот замялся, вздохнул и пояснил со своей убийственной искренностью: – Ей было плохо, она хотела поговорить хоть с кем-то, но никто ее не понимал. И она была голодной.

– Она не в себе. Она могла оторвать тебе голову и даже не понять, что делает.

– Мне просто стало ее очень жаль, – ответил Лориан, натягивая рукав свитера на искусанное запястье.

И даже не было смысла использовать заклинание, предоставленное Миклошем, чтобы определить способности мальчишки. «Потенциальный телепат, – устало подумал Кристоф, – удержать его от безумных поступков невозможно так же, как и Дарэла. Типичная даханаварская легкомысленность».

– Ладно. Идем.

– Куда? – с легким недоверием осведомился Лориан.

– Пополнять запасы крови.

Спустя полчаса Лориан сидел в одной из комнат апартаментов Вольфгера. На столе перед подростком стоял горячий обед, доставленный из ближайшего ресторана.

– Никто не догадывался, чего хочет Кэтрин, – говорил Лориан, без особого интересаковыряя вилкой кусок жареного мяса.

– Анри обычно понимает, что ей нужно.

– Ему кажется, у нее обычный приступ бреда, – с выражением непреодолимого упрямства заявил подросток. – Просто сильнее, чем обычно.

– Но ты думаешь по-другому? – спросил Кристоф, с интересом наблюдая за мальчишкой.

– Кэтрин хотела сказать о чем-то действительно важном! – Лориан отодвинул тарелку и проникновенно уставился на некроманта, словно изо всех сил пытаясь убедить его в своей правоте, хотя тот и не собирался спорить. – Я не понял, на каком языке она говорила... Все время повторяла одно и то же.

– Что она повторяла?

Он огорченно пожал плечами, но тут же полез в карман брюк:

– Я попытался записать на слух.

Лориан вытащил замызганный листок, на котором было нацарапано несколько строк, и протянул Кристофу. Тот нахмурился, рассматривая каракули. Мальчишка попытался буквами своего родного языка записать древнегерманские слова. «Художник... видеть смерти... художник... видящий смерти...» – повторяла Кэтрин в своем бреде.

– Художник, – произнес колдун вслух. – Видящий смерти.

– Что это значит? – вытянув от любопытства шею, спросил Лориан.

– Пока не знаю, – ответил Кристоф, убирая бумагу в карман. – Но буду думать.

Похоже, довольный своей полезностью клану, мальчишка снова взялся за вилку, хотел спросить еще о чем-то, но в этот миг на кухню вошел Босхет. Скользнул взглядом по человеческому гостю, с интересом повел носом, почувствовав запах еды, и повернулся к некроманту:

– Прошу прощения, мэтр. Вилисса просила передать – срочно требуется ваше присутствие.

Бетайлас непринужденно взял с тарелки мальчишки несколько галет и сунул их в карман. Колдун поднялся и, уже подходя к двери в сопровождении духа-убийцы, услышал беспокойный вопрос человеческого гостя:

– Кристоф, а про Дарэла по-прежнему ничего не слышно?

Тот оглянулся, отрицательно покачал головой и вышел, оставив несколько удрученного Лориана наедине с обедом.

– В чем дело? – спросил кадаверциан у бетайласа.

– Вроде ничего особенного, – беспечно отозвался тот, – но мистрис выглядела довольно... озадаченной. Она в маленькой гостиной. Ждет вас там.

Комната, которую Босхет упорно называл «маленькой гостиной», находилась напротив картинной галереи. Стометровое помещение с зеркальными полами и высокими искусственными окнами, за которыми всегда медленно падал снег, было предназначено для больших приемов. Вдоль стен стояли резные кресла и маленькие круглые столики. Под потолком висела огромная хрустальная люстра, разбрасывая по стенам разноцветные бриллиантовые отблески.

Бетайлас распахнул перед Кристофом обе створки двери, многозначительно хмыкнул и остался снаружи.

Войдя, некромант прежде всего увидел Дону, чья холодноватая красота идеально вписывалась в хрустально-белые цвета зала. Она действительно казалась напряженной и взволнованной. Причина ее беспокойства выяснилась сразу – напротив вилиссы сидел Валентин Корвинус собственной персоной.

Он поспешил подняться навстречу колдуну:

– Доброй ночи, мэтр.

Дона молча посмотрела на собрата, и тот увидел в ее глазах легкую тень недоумения, замеченную Босхетом.

– Я слышал, что вся семья Корвинусов спешно покинула Столицу, – сказал кадаверциан, жестом указывая юноше на прежнее место.

– Не вся. – На щеках Валентина появились два красных пятна. – Уехали мать и сестра. Я остался.

– Странный поступок. – Кристоф придвинул свой стул ближе к прозрачному круглому столу.

Дона бросила на некроманта предостерегающий взгляд, словно прося его удержаться от излишнего сарказма.

Валентин же сидел на краю стула, крепко вцепившись в сиденье, и, глядя на Кристофа горящим, умоляющим взглядом, объявил:

– Я хочу стать одним из вас. Кадаверцианом.

После этого неожиданного заявления наступила секундная напряженная тишина.

– И чем же наш клан заслужил выбор Корвинуса? – иронично осведомился некромант.

Дона, внимательно наблюдающая за родственником, видела, что того забавляет и одновременно тревожит отчаянная решимость молодого человека.

Губы Валентина на мгновение крепко сжались. Было видно – ему нелегко выступать в роли просителя.

– Вы уважаете и защищаете друг друга, – сказал он наконец. – У вас самая сильная магия. Я знаю про вас очень много. Читал в картотеке отца. Он рассказывал мне...

– Мальчик, – перебил Кристоф, наклоняясь ближе к юноше, – ты понимаешь, о чем просишь? Ты – Корвинус – хочешь стать вампиром?

– Корвинусом имеет смысл быть, только если ты ревенант! – воскликнул тот с досадой, глядя на снег, кружащийся за окнами. – А так это имя – пустой звук. Отец умер. Сестра заняла... займет его место. Я – превратился в ничтожество.

– Твои дети могут получить способности ревенанта. Если их не будет у твоей сестры.

– Я не хочу быть носителем благородного гена! – злобно огрызнулся Валентин, но тут же сообразил, что, беседуя с мастером Смерти, вряд ли можно позволять себе повышать голос, и сбавил тон. – Я не хочу жить пустой смертной жизнью. И умереть, так ничего не создав и не поняв.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

Кристоф понял – младший Корвинус добавил себе пару лишних лет, видимо, полагая, что не слишком юный возраст даст ему больше шансов оказаться среди некромантов. Колдун отвернулся от юноши, с нетерпением ждущего решения мэтра, и обратился к Доне по-валашски:

– Я не хотел бы принимать его в клан.

– Крис, – улыбнулась вилисса, рассматривая Корвинуса, явно смущенного ее пристальным вниманием. – Быть может, Вольфгер тоже не хотел, чтобы ты был его учеником. Но ты добился своего. И, по-моему, мэтр никогда не жалел, что обратил тебя.

– Тушэ, – отозвался колдун и снова обратил внимание на напряженного Валентина: – Я не беру учеников. Ты об этом знаешь?

– Да. Но, может быть, кто-то другой... – Он жадно глянул на Дону и тут же отвел взгляд.

– Ты знаешь, что больше не сможешь видеться с сестрой и матерью? – жестко продолжил колдун. – Скорее всего, следующие десять-пятнадцать лет ты вообще не выйдешь из этого дома.

Лицо сына Судьи застыло на мгновение, но Валентин снова покосился на Дону и решительно наклонил голову:

– Я готов к этому.

– Тебе придется выполнять сложные, часто неприятные задания.

– Я возьмусь за любую работу.

«Он либо не понимает, на что идет, – неожиданно поняла вилисса. – Либо действительно готов на все».

– Ты знаешь, что из себя представляет некромантия? – спросила она.

Валентин подался вперед, не сводя глаз с ее лица.

– Вилисса, неужели вы думаете, я осмелился бы прийти к вам, ни разу не побывав в морге? Не изучив особенности вашей магии. – Он крепко сжал пальцы в кулаки. – Я не передумаю. Прошу, не пытайтесь уговорить меня.

Кристоф, внимательно наблюдающий за ними, улыбнулся едва заметно. Он уже сделал для себя вывод:

– Хорошо. Ты станешь кадаверцианом, если пройдешь испытание.

– Я готов, – тут же откликнулся Валентин, поднимаясь.

– Сейчас ты спустишься вниз, пройдешь по левому коридору и откроешь последнюю дверь. За ней начинаются пещеры. Мы называем их дорогой Смерти. Ты должен дойти до их центра. Там увидишь могилу. На ней растут асфодели. Сорви и принеси пару цветов. Если справишься, мы примем тебя в клан.

Валентин побледнел, напрягся, но уже был готов согласиться. Дона остановила его жестом:

– Крис, он не сможет этого сделать.

– Сможет, если так хочет стать одним из нас.

– Но он слишком... молод, и у него нет...

– У него есть воля и решимость. Если он так много знает о нашем клане, должен быть в курсе, каким испытаниям мы подвергаем неофитов.

– Кристоф, это слишком...

– Он Корвинус. Испытание должно быть достойно имени, которым он так гордится.

– Это слишком жестоко!

– Если ты беспокоишься за него – иди и помоги ему.

– Ты слишком долго общался с даханаваром, – резко сказала Дона, поднимаясь. – Начи-наешь манипулировать людьми. Задумайся над этим.

– Валентин, ты можешь идти, – приказал Кристоф, не обращая внимания на упреки вилиссы.

Корвинус еще раз взглянул на девушку и вышел.

– Он в любой момент может повернуть назад, – успокаивающе произнес некромант.

– Он не повернет.

Не прощаясь, Дона тоже вышла из комнаты. Она догнала Валентина в середине коридора. Он нервно оглянулся, но, увидев мистрис, просиял и тут же принял излишне самоуверенный вид.

– Если вы хотите отговорить меня, – небрежно заметил он, – то лучше не тратьте время.

– Я хочу, чтобы ты выслушал. Путь Смерти – фактически часть мира кадаверциан, но более иллюзорный. Он предназначен для того, чтобы выявить, к какому именно искусству некромантии неофит более всего пригоден. А также чтобы проверить его решимость и волю.

– Ну, этого у меня достаточно! – самоуверенно заявил Валентин, однако тут же добавил, заметив, как нахмурилась Дона: – То есть я думаю, что достаточно.

– Ничего не бойся, – продолжила она. – Чтобы ты ни увидел, помни – все это иллюзия. Она не сможет убить тебя. Старайся не оглядываться. Возле старой оливы можешь отдохнуть. Но недолго...

Она продолжала рассказывать обо всем, что видела сама, а также слышала от Кристофа, Вольфгера и всех, кто был в пещерах, стараясь не упустить ни одной мелочи. Жалея, что не знает больше. Валентин внимательно слушал, не отрывая взгляда от ее лица.

– Когда ты вернешься, – добавила Дона в конце рассказа, – я возьму тебя в ученики.

Глаза юноши засияли. Он с трудом сдержал широкую улыбку и произнес с достоинством:

– Я очень хотел быть с вами, но не смел надеяться.

Дона сдержанно улыбнулась:

– Идем. Я провожу тебя.

Возле тяжелой двери, окованной металлом, решимости у Корвинуса явно поубавилось. Он остановился, глядя на тонкую полосу зеленого света, пробивающуюся из-под порога.

– Дона, скажите, людей, которые входят туда, убивают сразу или заставляют немного помучиться? – Он старался говорить нарочито насмешливо, но вилисса поняла – Валентин боялся.

– Тебя убьют, только если ты сам захочешь умереть.

– Очень обнадеживающе.

– Ты всегда можешь повернуть назад.

Он кивнул. Взялся за кольцо и потянул дверь на себя. За ней клубился зеленый туман...

Глава 9

Путь смерти

Жизнь – слишком серьезная вещь, чтобы воспринимать ее чрезмерно серьезно.¹¹

5 марта

Он всегда был самым лучшим. В учебе, в спорте, в дружбе... вообще в жизни. Всегда с легкостью сдавал экзамены, не унижаясь скучной зубрежкой. Играючи выполнял сложные упражнения на турниках, никто из приятелей не мог обогнать его на плавательной дорожке и не играл лучше в баскетбол. Ни одна девчонка, с которой он хотел познакомиться, не могла отказать ему.

Валентин принимал свои успехи с равнодушной снисходительностью, потому что «не могло быть по-другому». Ведь он сам был *другим*.

Старший сын господина Белова рассеянно выслушивал завистливые похвалы друзей и думал, что все это пустяки, мелкие бонусы по сравнению с тем, что ждет его впереди. Способности ревенанта! Они гарантировали полную свободу, власть, уважение, поклонение... не только людей...

Этого ему хотелось действительно сильно. Сильнее всего.

Он почти не обращал внимания на свою странную нелепую младшую сестру. Она не путалась под ногами, занятая своими делами, и это вполне устраивало Валентина. И вдруг оказалось, что магическим даром обладает не он, а маленькая глупая девчонка.

Когда отец впервые сказал об этом, сначала он не поверил, потом пришел в ярость. Кажется, даже раскричался от возмущения и обиды. Никто не знал, как он переживал из-за этой несправедливости. Как ненавидел Витторию, которая ничем не заслужила такого бесценного подарка.

Именно тогда Валентин поклялся себе – он все равно станет выше обычного человека. Он будет кадаверцианом. Могущественный, достойный клан, попасть в который практически нереально. Но он все равно добьется своего.

И вот теперь юноша стоял на пороге, прислоняясь спиной к теплому металлу двери. Смотрел в зеленую мглу, клубящуюся впереди, и чувствовал противную слабость в коленях.

Путь Смерти... Валентину и в страшном сне не могло присниться, что Кристоф отправит его сюда. Имя Корвинуса, пусть и не ревенанта, всегда казалось ему достаточным пропуском в любой клан. Теперь стало понятно, что мастер Смерти думает иначе.

Из зеленой мглы долетали приглушенные звуки – то ли шелест ветра, то ли шорох чьих-то одежд. В воздухе висел запах прелой осенней листвы.

– Почти все некроманты проходили это испытание, – сказал Валентин сам себе. – Почему не смогу я?

Но решительность, с которой он постучал в дверь особняка кадаверциан, не возвращалась. Собственный голос показался несостоявшемуся ревенанту жалким, испуганным. Ему вдруг страстно захотелось, чтобы здесь оказалась Дона. Ее присутствие оказывало удивительно ободряющее действие, впрочем, как и мысли о ней...

Валентин понимал, что стоять на одном месте и жалеть себя не имеет смысла. Он сделал колоссальное душевное усилие и шагнул вперед.

¹¹ Оскар Уайльд. Вера, или Нигилисты.

Корвинусу показалось, что пол уходит из-под ног, а пространство вокруг закручивается тугой спиралью. Стало трудно дышать, но спустя мгновение мир снова обрел стабильность.

Валентин ожидал увидеть что угодно – подземелье, где в каждом углу скрывается неведомое чудовище, или невообразимые по красоте залы огромного дворца, где сидит невероятно древнее существо, на вопросы которого ему придется отвечать, или ночное кладбище, в крайнем случае. Но только не это.

Он стоял на нижней площадке лестницы. Обычной, грязной и заплыванной, с погнутыми перилами. Такие есть в любом многоэтажном доме. Стены, на высоту человеческого роста покрашенные дешевой, местами облупившейся зеленой краской.

Кое-где виднелись надписи, сделанные черным маркером, – бессмысленные каракули, номера телефонов и глупые рисуночки. Побелка на потолке пожелтела от времени и сигаретного дыма.

Воняло гнилью. Тусклые лампочки в разбитых плафонах с трудом освещали серые бетонные ступени. Ничего необычного или пугающего...

И Валентин не знал, что вызывает у него такой ужас. Он стоял, чувствуя, как холод скачивается с его затылка на спину и поднимается обратно.

Впереди, наверху, виднелась площадка с окном и трубой мусоропровода, выступающей из стены. Нужно было идти, подниматься. Но куда? На крышу?

Это было совсем не то, что обещала Дона. Ни пещер с высокими сводами, ни коридоров с узором из черных полос на стенах, ни тумана... Хотя, может, каждый видел в этом месте свое.

«Тогда почему я оказался в убогой блочной многоэтажке?!» Валентин резко выдохнул, переживая короткий приступ паники, сжал кулаки и шагнул на первую ступеньку. Та не провалилась под его ногой, как можно было ожидать, не превратилась в дым... Потом ступил на вторую.

– Ничего страшного, – прошептал он сам себе, – всего лишь старый, грязный дом. Могло быть хуже.

Корвинус едва сдержался, чтобы не обернуться посмотреть, что происходит у него за спиной, но вспомнил предостережение Доны и заставил себя идти дальше.

В полнейшей тишине звучали только его шаги и частое дыхание. Ни хлопков дверей, ни звука работающего лифта. Хотя какие могут быть лифты в нереальном пространстве.

Сын ревенанта нервно усмехнулся и коснулся стены. Она была холодной, гладкой... настоящей. Так же как и ступени под ногами.

Поднявшись на первую площадку, Валентин хотел глянуть в окно, но его стекло оказалось покрыто толстым слоем инея. И тут же теплый воздух подъезда наполнился холодом. Дыхание вылетело изо рта белым облачком пара. Корвинус содрогнулся от внезапного прикосновения мороза и невольно ускорил шаги.

Еще один лестничный пролет. В углах таились густые тени, на стенах виднелись тонкие узоры изморози. А впереди на лестнице лежала груда тряпья.

Отступившие было опасения вернулись снова. Валентин нервно сглотнул, не зная, что делать. Идти дальше? Подождать? Несмотря на холод, он почувствовал, как его спина покрывается потом и выступает испарина на лбу.

«Все это иллюзия, – прозвучали в памяти слова Доны. – Она не сможет убить тебя...»

– Иллюзия, – шепотом повторил он и снова двинулся вверх.

Шаг. Еще шаг.

Куча грязной ветоши оказалась совсем близко, Валентин ощутил вонь, исходящую от нее. И застыл, не донеся ногу до следующей ступеньки. Ворох тряпок зашевелился, послышался хриплый надсадный кашель. Юноша с ужасом понял, что на лестнице лежит человек. Грязный, оборванный, с длинными спутанными волосами и красным опухшим лицом.

Он взглянул на Корвинуса мутным взглядом, пытаясь приподняться, протянул серую от грязи руку, пытаясь схватиться за перила, но снова завалился на бок.

– Проходи! – просипел он с трудом. – Давай, иди, куда шел.

Но Валентин стоял, не в силах пошевелиться. В отвратительном грязном бродяге он узнал своего отца.

Это было невозможно, ненормально, немислимо...

– Ты умер, – прошептал он, не узнавая своего голоса, – ты же умер.

Могущественный ревенант из рода Корвинусов, мудрый Судья, тот, кому повиновались все кровные братья Столицы, не мог оказаться в убогом, провонявшем плесенью и гниющим мусором доме в образе опустившегося пьяницы.

– Это неправильно! – воскликнул Валентин, чувствуя, как отчаяние сжимает горло. – Невозможно!

Старший Корвинус хрипло рассмеялся. И снова зашелся мучительным кашлем.

«А может, так и должно быть, – мелькнула в голове его сына внезапная леденящая мысль. – Может быть, все те, кто живет ночным миром вампиров... все, кто хоть как-то связан с ними, умирая, оказываются здесь? На задворках смерти... превращаются в жалких, ничтожных пленников ее пещер?»

На миг он забыл, зачем пришел сюда и кто его ждет снаружи. Все советы Доны вылетели из головы.

– Отец! Я помогу! Идем со мной. – Валентин бросился к нему и, не обращая внимания на вонь, исходящую от засаленной одежды, попытался заставить подняться. – Тебе нельзя тут оставаться. Я выведу тебя!

Судья схватился за плечо сына нетвердой рукой, встал и привалился к стене. Насмешливо взглянул на него из-под красных, опухших век.

– Думаешь обмануть смерть?

Решимость на миг оставила Валентина, но он приказал себе прекратить паниковать.

– Я просто хочу увести тебя отсюда. Идем! Пожалуйста.

Он почти силой заставил отца опереться о свое плечо и повел вверх. Лестница вдруг стала бесконечной, а ступени слишком высокими. Тяжесть руки Корвинуса-старшего клонила к земле.

– Почему ты оказался тут? – тяжело дыша, спросил Валентин, преодолевая еще один пролет. – Это несправедливо!

– Рано или поздно все оказываются здесь, – глухо ответил ревенант, с трудом переставляя ноги и все больше наваливаясь на сына. – Правда, в разном... статусе.

– Кто угодно пусть, но только не ты!

Еще одна площадка, окно, затянутое изморозью.

– Подожди. – Корвинус выпустил руку Валентина и тяжело осел на пол. – Дай передохнуть.

Тот кивнул, распрямил ноющую спину, рукавом вытер пот, выступивший на лбу, и прислонился к перилам.

– Значит, решил стать кадаверцианом? – спросил Судья, с любопытством рассматривая сына так, словно видел его впервые.

– Да.

Дико было обсуждать с мертвым свои планы на будущее. Даже просто говорить с ним... Похоже на сон. Бред, который обычно видится за несколько секунд до пробуждения. И ощущение как во сне – еще миг, и проснешься.

Но в то же время Валентин понимал, что эти неопределенные чувства вызывает чужая реальность, и был очень благодарен ей за возможность видеть отца. Неважно, в каком он образе.

– И давно у тебя возникло это желание? – осведомился Судья тем самым официальным тоном, каким обычно беседовал с подчиненными.

Его сын с трудом подавил приступ новой радости от очередного подтверждения реальности этой немислимой в нормальной жизни беседы.

– Сразу после того, как я узнал, что никогда не буду ревенантом.

– Тщеславие... – пробормотал Корвинус со слабой улыбкой, закрыл глаза и прислонился затылком к стене.

– Нет! – резко возразил его сын, но тут же прибавил с неожиданной для себя самого искренностью: – Не совсем. Я, конечно, с детства думал, что стану Судьей... и знаешь, странно готовиться всю сознательную жизнь управлять людьми... или не людьми, а потом оказаться не у дел.

– Понимаю, – ответил отец, пристально глядя на него.

А Валентин вдруг подумал, что никогда не разговаривал с ним так откровенно... при жизни. Они вообще не беседовали особо долго – господин Белов был слишком занят.

– Ладно, – сказал юноша, вновь вспоминая, где и зачем находится. – Нужно идти дальше.

– И как далеко ты собираешься продвинуться? – поинтересовался Корвинус, поднимаясь.

– Кристоф сказал, мне нужно добраться до середины пещер. Там есть могила, на ней цветут асфодели.

– А почему не до конца? – Судья снова опустил руку на плечо сына, но на этот раз идти ему было явно легче. – При твоих амбициях разумнее пройти весь Путь и получить сразу максимум силы.

Впервые за все время, проведенное в измерении Смерти, Валентин улыбнулся:

– Мне бы до центра добраться. Но сначала я хочу найти место, где сможешь остаться ты.

– Видимо, королевский дворец, – усмехнулся ревенант, с трудом переводя дыхание. – Достойное обиталище для отца будущего кадаверциана из рода Корвинусов?

Валентин промолчал, размеренно шагая вверх и пытаясь сообразить, отличался ли Судья язвительностью при жизни, или это пришло к нему после смерти. А может, он просто испытывает неловкость от того, что сын лицезрит его в таком непрезентабельном виде.

– Ничего, – сказал он тихо, больше подбадривая себя самого. – Все будет хорошо.

В ответ на эти слова Корвинус-старший крепче сжал его плечо...

Лестница закончилась внезапно. В глаза ударил белый свет.

На миг Валентин почувствовал себя ослепшим, а когда с глаз наконец сползла мутная пелена, увидел впереди бесконечный зал с потолком, теряющимся из виду. Его пол был залит водой, стеклянные стены отражались в гладкой поверхности. Слышался тихий плеск и шелест. словно мелкая волна колыхала заросли тростника и его стебли терлись друг о друга.

Этот звук завораживал, околдовывал, и, слушая его, было очень трудно сдвинуться с места.

– Ладно, нужно идти, – произнес Валентин, с усилием заставляя себя сделать первый шаг.

Воды было немного, всего лишь по щиколотку, но она оказалась ледяной. Молодой Корвинус содрогнулся, однако продолжил идти вперед. Ревенант невозмутимо шагал рядом, с интересом поглядывая по сторонам, и больше не выглядел изможденным.

Пол становился все более скользким, неровным. Валентин оступился и едва не упал. Взглянув вниз, он увидел, что поверхность под мелкой водяной рябью бугрится острой наледью.

– Здесь нельзя падать, – заметил Судья почти равнодушно. – И я не могу тебе помогать, ты ведь знаешь об этом.

Его сын молча кивнул, лишь сейчас заметив сотни, тысячи белых костей, вмёрзших в лед. Это были только сегменты позвоночника, маленькие, явно принадлежавшие каким-то крохот-

ным животным вроде мышей, средние – похожие на человеческие, и огромные – словно выдернутые из тел динозавров.

– У Смерти своя эстетика, – сказал ревенант и наклонился, чтобы зачерпнуть воды ладонью.

– Не думаю, что это можно пить, – машинально произнес Валентин, еще не придя в себя от увиденного.

– Мертвая вода мертвому не повредит, – отозвался с тихим смешком отец.

И молодой Корвинус был вынужден с ним согласиться...

Каждый шаг сопровождался мерным плеском, заглушающим шелест невидимых тростников. В костяной мозаике на полу появились позвонки в десяток метров в диаметре. Их отростки торчали изо льда корявым частоколом, и, пробираясь между ними, Валентин тщетно пытался представить животных, из которых они были вынуты. Уровень воды поднимался то до колен, то снова спадал до щиколоток.

Юноша уже давно перестал чувствовать холод, ступни онемели, и держать равновесие на скользком льду становилось все труднее. Ревенант следовал за ним, неотступно держась за левым плечом и верный своему слову, не делал попыток помочь.

«Смерть меняет людей», – невольно подумал Валентин без досады и сожаления...

Остановившись на миг, он вдруг услышал тонкий печальный звук. Как будто ветер выдувает в отверстиях камней заунывную мелодию. Но как только молодой Корвинус снова пошел вперед, плеск воды заглушил грустную песню без слов.

Однако чем дальше он продвигался в глубь зала, тем громче становился свист.

– Там, впереди, – негромко сказал Судья, словно почувствовав беспокойство сына.

И, взглядевшись, Валентин действительно увидел... Из ледяного пола, прикрытого водой, поднимались заросли. Сначала тонкие, невысокие и редкие, они становились все выше, гуще и толще. Валентину показалось, что это сухой серый тростник, но, присмотревшись лучше, он с отвращением понял – слегка покачивающиеся стебли составлены из сотен позвонков. Это они шелестели и потрескивали. В них выдувал ветер тоскливые мелодии...

– Оранжевая Дворцов Смерти, – невозмутимо произнес ревенант, положив руку на плечо сына, как будто невзначай подталкивая его вперед.

И юноша, снова преодолевая страх, направился к зловещему лесу. Мелкие отростки, легко ломаясь, падали в воду, из которой росли, и хрустели под ногами. Те, что покрепче и повыше, нехотя изгибались, пропуская путников, и скрежетали побегами.

Молодому Корвинусу вообще бы хотелось не дотрагиваться до них, но чем дальше он шел, тем гуще становился лес и тем сложнее было пробираться между «стволами». В воздухе висел сладковатый, гнилостный запах. Свист, шелест, шорох и потрескивание сливались в один бесконечный наводящий тоску звук. Вершины костяных стеблей лениво покачивались над головой. Мельком взглянув наверх, Валентин заметил на некоторых из них «ветви» – тонкие изогнутые ребра.

– Дивное местечко, – буркнул он, проходя мимо особо мощного «растения». Грудная клетка на его вершине подошла бы по размеру Годзилле.

– Неужели не нравится? – осведомился с усмешкой Корвинус-старший. – Но по-моему, кадаверциана должно только радовать подобное скопление высококачественного материала.

Он провел ладонью по гладкой, словно отполированной кости. Его сын молча скривился и ускорил шаг, разбрызгивая воду. Ему хотелось скорее выбраться из жуткого леса.

Стало просторнее, свет, льющийся неизвестно откуда, окрасился зеленоватым оттенком. «Старые деревья» сменились тонкими длинными плетями, покачивающимися на ветру. Проходя мимо одной из них, Валентин заметил, как она дрогнула и слегка наклонилась в его сторону. И тут же услышал свист, словно от удара хлыста, поток горячего воздуха обдал затылок, по плечу проскребло что-то острое. Юноша отпрыгнул в сторону, еще не понимая в чем дело.

Мельком взглянул наверх и почувствовал, как внезапный жар прокатился по спине и тут же сменился прежним холодом.

«Стебли» были украшены не только мощными ребрами. Вершина каждого позвоночника заканчивалась черепом. Не человеческим, но и не звериным. Их глазницы горели зелено, а длинные клыки плотоядно скалились. Одно из «растений» как раз лениво выпрямлялось, не успев схватить желанную добычу. А другое, растущее неподалеку, наклонялось, чтобы впитаться в застывшего человека.

Валентин увидел приближающийся череп с открытой пастью, услышал тонкий свист и очнулся. Увернувшись от зубов, он бросился бежать. Не разбирая дороги, разбрызгивая воду, скользя по льду и едва не падая. Паника вымела из головы все мысли. Единственное желание – спастись – заслонило собой все остальные.

Хищные оскаленные головы на бесконечно длинных костлявых шеях бросались на него, словно голодные росянки на муху. Острые зубы полоснули по руке, по лбу текла кровь и по затылку, кажется, тоже.

Гибкая костяная плеть хлестнула Валентина по груди, он не удержался на ногах и рухнул на спину, подняв тучу брызг. Удар на мгновение лишил его возможности дышать, а в памяти вдруг вспыхнула фраза Доны: «...все это иллюзия. Она не сможет убить тебя». Однако оскаленная морда, приближающаяся к нему, была слишком реальна.

Юноша попытался встать, но лед вокруг неожиданно ожил, превращаясь в трясину, и стал засасывать человеческое тело.

Валентин вскрикнул, рванулся и услышал сквозь свист, плеск и шипение голодных тварей тихий, едва слышный голос вилиссы:

«Тебя убьют, только если ты сам захочешь умереть».

«Я не хочу!» – подумал он с внезапной яростью, дернулся еще раз, вскинул руки, заслоняясь от клыков. Но они так и не вцепились в него.

Валентин не знал, сколько времени прошло. Но когда он поднял голову, то увидел, что лежит в воде на краю жуткого леса, а вокруг него торчат изо льда безобидные ростки позвонков.

Над юношей наклонился отец.

– Вставай, – велел ревенант. – Здесь нельзя падать.

Уцепившись за его протянутую руку, сын с трудом поднялся и тут же почувствовал обжигающий стыд. Убегая из голодных зарослей, он совершенно не думал про отца.

– Извини, я... совсем забыл...

– Про меня? – Корвинус понимающе улыбнулся. – Умереть второй раз я не смогу.

– И все равно, я не должен был...

– Не время оправдываться.

Судья развернулся и направился вперед. Присел на корточки возле одного из побегов и взглянул на сына.

– Я бы на твоём месте взял это с собой. Вдруг пригодится.

– Зачем?! Посадить дома в горшок? Вместо комнатного растения? – Валентин вытащил из кармана мокрых брюк такой же мокрый носовой платок и попытался перетянуть рану на плече. – Еще можно скормить ему нежеланных гостей... Или подарю Доне вместо комнатной собачки.

Ревенант выразительно приподнял брови, и сын понял, что, видимо, болтает слишком много и нервно. Он замолчал и подошел к ростку. Тонкий позвончик обломился с громким хрустом, словно сухая ветка. Валентин сунул его в карман, снова посмотрел на отца и только сейчас заметил, что тот изменился. С лица исчезла нездоровая одутловатость, глаза больше не казались опухшими, волосы стали короче, одежда – чище.

Не обращая внимания на удивление сына, Судья поднялся и неторопливо пошел вперед. Тот поспешил следом.

Уровень воды постепенно спадал. Открылся каменный пол. Впереди замаячил выход из зала – неровная, грубо обтесанная арка и длинный темный коридор за ней.

Валентин шел, стараясь не обращать внимания на боль. Пусть черепа и были иллюзией, раны, оставленные их зубами, кровоточили и болели. Для вампиров в этом не было бы никакого неудобства – пара секунд регенерации, и можно легко идти дальше. Но для человека все оказалось не настолько просто.

– Отец, ты говорил, что изучал летописи кадаверциан? – спросил он, дождался ответного кивка и продолжил: – Обычно сюда отправляют только новообращенных или люди тоже были?

– Были и до тебя, – ответил Судья, по-прежнему не оборачиваясь.

– Кто?

Он молча поднял руку, показывая на стену над аркой. Там висело иссохшее мужское тело, прибитое к камням копьём. Молодой Корвинус присмотрелся и увидел все те же звенья-позвонки на его древке. На трупе еще сохранились обрывки одежды, похожей на ту, что обычно носил Кристоф. И волосы мертвеца тоже были длинными и черными.

Валентин невольно вздрогнул.

– Да нет, конечно, – пробормотал он. – Не может быть...

Но, подойдя ближе, с изумлением узнал знакомые черты в мертвом лице и замер на месте.

– Что? – спросил ревенант, оглянувшись через плечо.

– Как это возможно? Кристоф же прошел весь Путь. Он не умер здесь.

– Откуда ты знаешь? – с интересом спросил Судья, возвращаясь к сыну, застывшему у входа в коридор.

– Ну... я его видел, говорил с ним.

– Человек-Кристоф умер на этом самом месте, – подтвердил ревенант, глядя на мертвое тело. – Освободился от человеческой сути очень быстро, почти в самом начале Пути. Поэтому он смог так легко пройти его весь. Его не отягощал груз смертной сущности.

Валентин промолчал, пытаясь осмыслить услышанное, и его внезапно поразила новая догадка.

– Значит все кадаверциан... умирали здесь как люди?

– Да.

– И мне тоже придется?!

– Ты же хотел стать одним из них.

– Но я не думал... я даже не представлял... – Юноша крепко сжал в кармане костяной обломок и почувствовал, как его отростки впиваются в ладонь. – Я не хочу.

– Каждый кадаверциан должен принести свою жертву Смерти, которой собирается служить, – равнодушно отозвался Судья, отворачиваясь от сына, и пошел дальше в темный тоннель. – Если ты не готов, подумай о том, чтобы повернуть назад.

– Я не поверну! – с досадой сказал ему в спину Валентин. – Ты же знаешь. Я должен доказать... хотя бы самому себе, что годен хоть на что-то.

И он пошел следом за ревенантом.

Свет гас медленно... В мягкой темноте шелестели чьи-то невидимые крылья. С каждым шагом у юноши все сильнее возникало ощущение, что воздух вокруг сгущается – и скоро стало казаться, будто он протискивается сквозь плотную невидимую преграду. А когда молодой Корвинус понял, что больше не сможет сделать ни шага – вокруг зажглись звезды. Тысячи крошечных огоньков над головой, далеко под ногами, справа и слева... везде. Это было почти красиво.

Завороженный, Валентин смотрел, как они кружат вокруг, сплетаются хороводом и разлетаются сверкающим фейерверком. Изумрудные искры носились туда-сюда, оставляли

за собой длинные светящиеся хвосты. Фигура отца на их фоне казалась черной, словно облитой дегтем.

Одна из зеленых пылинок подлетела к молодому Корвинусу, и тот, не задумываясь о том, что делает, протянул руку. Она опустилась на его ладонь и вспыхнула еще ярче, а юноша дернулся от внезапной сильной боли. Искорка жгла, словно уголь, только что выпавший из камина.

– Зеркальная Пыль, – сказал ревенант, невозмутимо наблюдая, как его сын пытается стряхнуть огонь и прижимает обожженную руку к мокрой ледяной одежде. – На кадаверциан она не действует, но в смеси с другими веществами превращается в один из компонентов «Могильной гнили»...

– И как эта пыль могла попасть в реальный мир? – сдавленно спросил Валентин, чувствуя, что боль начинает постепенно ослабевать.

– Ее принес Вольфгер. Еще до того, как его клан разъединился. Видимо, не знал, что достал оружие против своих же братьев. – Судья взглянул на золотые пылинки, кружащие вокруг, и добавил: – А, быть может, ему было просто все равно.

– И откуда ты все это знаешь? – Валентин торопливо пошел вперед, с тревогой глядя на искры, пока еще летающие на безопасном расстоянии.

«А что принесу я?» – неожиданно подумал он, сунул здоровую руку в карман, сжимая обломок растения-позвоночника. Ему вдруг захотелось выбросить кость, но сделать этого он не успел. Жгучие искры превратились в яркий изумрудный смерч и ринулись на человека, словно рой обезумевших пчел.

«Это иллюзия!» – подумал он в панике, и тут же первая из них резанула его по щеке, другая запуталась в волосах, третья обожгла шею.

– Вас нет! – закричал человек, вскинул руки, пытаясь защититься от жгущих искр. – Ничего этого нет!

И в то же мгновение на него рухнул весь раскаленный рой. Казалось, все тело вспыхнуло – запахло палеными волосами и горящей одеждой. Видимо, сейчас надо было дать этому миру убить себя, но Валентин вновь рванулся, отчаянно желая спастись. Жить, любой ценой.

Все вокруг снова заволкло тьмой. Боль отступила. Окружающее пространство застыло, стало густым, словно сироп, а затем лопнуло, отшвырнув несостоявшегося ревенанта прочь.

Он рухнул на мокрый песок, лицом в воду. Мгновение лежал, не шевелясь, наслаждаясь прохладой, касающейся опаленной кожи, а затем, когда понял, что задыхается, дернулся в сторону, перекатился на бок и вскочил, не обращая внимания на боль от ожогов. Он ожидал новой опасности. Но та не спешила появляться.

Валентин стоял на берегу безграничного черного озера, под высоким каменным сводом, излучающим бледное сияние. Один. Отца рядом не было.

Сначала это не удивило и не обеспокоило Корвинуса. Но постепенно в голове начали медленно раскручиваться, цепляясь одна за другую, тревожные мысли. Судья не захотел идти дальше? Не смог? Это испытание для него одного? Или хозяйке этих пещер не понравилось, что новый испытуемый идет по ее владениям не в одиночестве?

За спиной поднималась гладкая каменная стена без единой трещины. Ни намек на выход. Значит, нужно опять двигаться вперед. Идти или плыть.

Валентин сел у самой кромки воды и уставился на озеро.

С первого взгляда оно казалось очень глубоким. И поблизости не наблюдалось ни лодки, ни плота.

– Ну и что мне делать? – спросил он беззвучную пустоту. – Ждать перевозчика?

Черная гладкая вода отвечала глубоким молчанием.

Юноша медленно поднялся, держась за стену, и теперь разглядел, что поверхность озера не везде непроглядно-угольная. Прямо напротив места, где он стоял, виднелось светлое пятно.

Валентин машинально шагнул вперед, теплая волна лизнула его ботинки и лениво откатилась назад. Сначала он увидел нечто, напоминающее белый дым, но тут же понял, что это волосы. Бесконечно длинные серебряные волосы. Они лениво колыхались, окутывая прекрасное алебастровое женское тело. Развевались вокруг спокойного, красивого лица. Прозрачные глаза безмятежно смотрели на человека сквозь толщу воды.

Женщина стояла на ступенях лестницы, ведущей вниз, в озеро, и, нежно улыбаясь, манила его к себе. И Валентин, сам не понимая, что делает, пошел вперед.

Вода была теплой, ласковой, ее прикосновения снимали боль от многочисленных ожогов и царапин. Успокаивали, убаюкивали, усыпляли тревогу и беспокойство...

Женщина медленно отступала перед ним, кивая дружески и предлагая идти за собой все дальше. И Корвинус следовал за ней, не замечая, что погружается все глубже.

В какой-то миг он почувствовал легкую резь в шее, увидел размытое красное облачко, взлетевшее рядом с лицом, но не придавал этому значения, так же как и тому, что погрузился в воду с головой, но продолжает свободно дышать. Беловолосая красавица звала за собой, ее движения были плавными, мягкими, завораживающими, и Валентин покорно двигался за озерной леди, ни о чем не думая, ни в чем не сомневаясь. Однако боль неожиданно усилилась, потекла по спине, перекинулась на ноги...

Корвинус почувствовал, как начинает избавляться от наваждения, оглянулся и увидел, что серебряные волосы женщины тянутся к нему, прикасаются к коже, ошупывая, словно бесконечно длинные усики какого-то насекомого. Затем они вдруг прилипали к телу, разрезая одежду, касались кожи, и в воду взлетало очередное красное облачко. Каждый волос был похож на тончайшую бритву... А женщина продолжала пленительно улыбаться.

Валентин не успел ни испугаться, ни разозлиться. По-прежнему ни о чем не думая, сунул руку в карман, выхватил обломок растения-позвоночника, шагнул вперед и с размаху вогнал его в грудь озерной красавице.

Наверное, она закричала – рот открылся в беззвучном вопле, расширились прозрачные глаза, волосы взлетели, словно подхваченные порывом ветра, выпуская человека. И в то же мгновение женщина превратилась в белое облако и разлетелась клочьями во все стороны. Расстаяла. А Корвинус понял, что захлебывается, не в силах дышать.

Он рванулся наверх и, когда легкие уже горели от нехватки кислорода, вынырнул на поверхность. Несколько минут Валентин барахтался в воде, пока не отдышался и не понял, где находится. Белая лестница по-прежнему светилась на глубине и тянулась широкой дорогой к берегу. А тот оказался неожиданно далеко от места, где очутился несостоявшийся ревенант. Но его это не испугало. Он понял внезапно, что в какой-то момент просто перестал испытывать страх.

Валентин уже совсем было собирался плыть обратно, но неожиданно осознал, что все еще сжимает в правой ладони обломок растения. Разжал пальцы, но кость не выпала из его руки. Серые звенья-позвоночники зашевелились, прижимаясь к ладони, выпустили длинные отростки, крепко обхватили запястье, словно жутковатого вида браслет, и поползли дальше вверх по предплечью.

Валентин кричал, пытаясь содрать с себя ожившую дрянь, но она уже плотно обхватила плечи. Костлявые, маслянисто блестящие наросты не причиняли ни боли, ни какого-либо неудобства и даже как будто поддерживали в воде. Но Корвинус продолжал бороться с растением, пытавшимся стать частью его тела, чувствуя, что теряет в этой схватке оставшиеся силы. Вновь окунулся с головой и на этот раз не смог выплыть.

Его поволокло куда-то вниз. Все ниже и ниже. Лестница рухнула, и Валентин снова начал проваливаться сквозь этот нестабильный, но такой реальный мир.

Он лежал, не в силах пошевелиться, там, где упал. В ноздри бил запах мокрой земли и травы. Теплый ветер слегка касался лица.

Вокруг возвышались стены, облицованные мрамором, хрустальные светильники в виде виноградных гроздей и картины с изображением жизни античных богов.

Валентин понял, что валяется на земляном полу роскошного зала. Дворец Смерти? Новое испытание?

На его теле больше не было костяных наростов, а в кармане осталось всего лишь несколько звеньев сломанного растения-позвоночника.

– Вставай, – неожиданно прозвучал рядом тихий голос отца.

– Не могу, – ответил он беззвучно и понял, что, действительно, не может и не хочет идти дальше.

С каждым шагом он как будто терял часть себя, получая взамен что-то новое. Может быть, даже важное, необходимое для жизни кадаверциан. Но он не был уверен в нужности этих изменений лично для него.

– Ты еще не дошел до центра пещер.

Через силу Валентин повернул голову и увидел Корвинуса, сидящего рядом.

– Прости, я не сумел помочь тебе.

– Ты пытался, – ответил тот, и его черты вдруг поплыли, плавясь, словно воск, и превратились в чужой, бледный, застывший лик, обрамленный белыми как молоко волосами.

– Так ты все еще хочешь стать кадаверцианом? – прозвучал в голове изумленного Валентина гулкий, раскатистый голос.

И юноша неожиданно понял, кто шел с ним все это время.

Несколько мгновений он смотрел на белое умиротворенное лицо, затем попытался заставить себя подняться... Хотя бы сесть.

– Я думал, это неправда. Вас... тебя не существует на самом деле.

Существо, сидящее рядом, смотрело на него глубоким пронизывающим взглядом, не осуждая, не укоряя, не одобряя.

– Дона оказала тебе плохую услугу. Велела выжить. А ты должен был умереть.

– Я не сумел. Извини...

На ее блеклых губах появилась легкая улыбка.

– У тебя будет еще один шанс. Пройти Путь снова, если ты решишься.

Валентин помолчал, не зная, что сказать, в голове крутился один-единственный вопрос:

– Почему ты так милосердна ко мне?

– Я милосердна ко всем.

– Но почему ты помогала мне?!

Она чуть улыбнулась и ответила:

– Мне был нужен новый привратник.

Затем медленно поднялась, несколько мгновений смотрела на человека, наклонилась и положила возле него цветок – стебель с множеством белых венчиков. Асфodelь. Корвинус протянул руку, крепко сжал цветок и вдруг понял, что падает. Проваливается. Летит.

Иллюзорный мир вокруг разорвался, пропуская настоящую реальность.

Он рухнул на пол просторного, светлого зала, за окнами которого кружил снег. А спустя несколько мгновений услышал взволнованный голос Доны, открыл глаза и увидел ее прекрасное лицо, яркие губы, серебряные волосы.

– Я не смог, – произнес Валентин через силу, глядя в бесподобно-синие глаза вилиссы. – Не дошел.

Он разжал окровавленный кулак, в котором был зажат смятый цветок, и прошептал:

– Это она дала.

– Кто? – так же тихо спросила вилисса, осторожно касаясь его лица.

– Смерть.

Глава 10

Свободен

Хорошая репутация – это одна из многих неприятностей, которые мне не пришлось пережить.¹²

5 марта

Если говорить вежливо, то скрипка оказалась отвратительной. Мастер, сделавший ее, никогда бы не встал на одну ступеньку даже с Амати, не говоря уже о Гварнери и Страдивари. Жалкая немецкая подделка под одного из талантливых итальянцев была достойна лишь немедленного сожжения в камине.

То, что деревяшка не способна выдать ни одной приличной ноты, Миклош понял, как только ее увидел. Ему хватило единственного взгляда на это убожество, чтобы знать – скрипичный мастер родился бездарным.

Отвратительно сделанная нижняя дека, слабые ребра, плохой клей и слишком вылизанный, янтарный лак. В нем отсутствовала привычная теплота и глубина, что встречалась у благородных инструментов. Стоит ли говорить о звучании? Когда господин Бальза впервые коснулся смычком расстроенных струн, у него едва не лопнули барабанные перепонки. По его мнению, даже кошки, наступи им на хвост, не были способны издавать столь мерзких звуков.

Оставалось лишь удивляться, с какой помойки Кристоф притащил эту дрянь и почему до сих пор ее не уничтожил, а бросил валяться вместе со всяким хламом на чердаке. Где поверженный нахтотер и нашел музыкальный инструмент, когда, страдая от безделья, как-то под утро поднялся наверх.

Споткнувшись о запыленный лакированный футляр, Бальза не стал спрашивать разрешения и притащил находку в свою комнату, расположенную на втором этаже в особняке кадаверциана.

Миклош понимал, что ему необходима практика. И потому пришлось пожертвовать тонким, безупречным слухом и бесконечным талантом ради тренировки рук. Мучительная регенерация осталась позади, но пальцы до сих пор плохо слушались, были медлительными, неловкими. Смычок и карандаши – вот что ему требовалось для быстреего восстановления.

Однако рисовать быстро надоело. Сейчас все наброски походили один на другой – излишне однообразные и примитивные – Хранья, жарящаяся на солнечных лучах. Разумеется, поначалу подобные образы не могли не радовать Бальзу, но затем стали удручать. Он понимал, что до момента, как сестрица отправится в ад, пройдет еще какое-то время и, в раздражении собрав бумаги, смял их и под завязку насытил чрево мусорной корзины. Нахтотер решил, что музыка сейчас для него предпочтительнее, пускай она и рождается из столь отвратительной скрипки.

¹² Оскар Уайльд. Женщина, не стоящая внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.